

23 августа 1939 г. Подписание в Москве советско-германского пакта

Парад вермахта в Варшаве. Польша, сентябрь 1939

М.В. Новиков

Внешняя политика СССР в Европе в 1933-1941 гг.

Приход Гитлера к власти

Гражданская война в Испании

Капитуляция в Мюнхене: изоляция СССР

Англо-франко-советские переговоры

Советско-германский пакт о ненападении

Накануне войны с Германией

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»

М.В. Новиков

Внешняя политика СССР в Европе в 1933-1941 гг.

Учебное пособие

Ярославль
2010

УДК
ББК
Н

Печатается по решению редакционно-
издательского совета ЯГПУ
им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

В.Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор
С.Г. Осьмачко, доктор исторических наук, профессор

Н Новиков М.В. Внешняя политика СССР в Европе в 1933-1941 гг.
[Текст]: учебное пособие / М.В. Новиков. – 2-е изд., испр. и доп.
– Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – 107 с.

В учебном пособии рассматриваются внешнеполитические
усилия руководства СССР с целью не допустить объединения крупных
европейских государств на антисоветской основе в 1933-1941 годах.

УДК
ББК

ISBN

© ГОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского», 2010
© М.В. Новиков, 2010

Введение

В 1933-1941 годах европейское направление внешней политики СССР было главным во всей внешнеполитической деятельности советского руководства. Опираясь на растущую военно-экономическую мощь страны, особенно впечатляющую на фоне мирового экономического кризиса, советские лидеры активизировали внешнеполитическую деятельность: СССР вступил в Лигу Наций, выступил инициатором создания в Европе системы коллективной безопасности, активно поддержал испанскую демократию в ее борьбе с тремя европейскими диктаторами – Франко, Гитлером и Муссолини, решился на подписание Пакта о ненападении со своим злейшим врагом – Германией, военнополитическими методами присоединил территории Российской Империи, утраченные в ходе Первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны 1918-1920 гг.

Отложив на неопределенный срок задачу осуществления мировой революции, советские лидеры выработали новый внешнеполитический курс, основу которого составил государственный прагматизм. В отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) И. Сталин заявил, что во внешней политике советское руководство ориентируется «на СССР и только на СССР». Тем самым он однозначно дал понять, что в Советском Союзе взят курс на построение социализма в одной стране и что задача поддержки мировой революции больше не является приоритетной. В том же самом докладе советский лидер как бы предопределил извилистый вектор последующей советской внешней политики в Европе от попытки создания системы коллективной безопасности в Европе, совместно с демократическими государствами, до подписания Пакта о ненападении с Германией в августе 1939 года: «Если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний».

1. Приход Гитлера к власти и внешнеполитический курс СССР

В январе 1933 г. Адольф Гитлер стал канцлером Германии. Его партия пришла к власти под лозунгами ревизии итогов первой мировой войны и уничтожения коммунизма, включая его практическое воплощение в лице СССР. Новый внешнеполитический курс Германии из области намерений стремительно перешел в сферу конкретных действий: выход из Лиги Наций в октябре 1933 г., "пакт четырех" (1933 г.), англо-германское военноморское соглашение (1935 г.), модернизация вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности (1935 г.), присоединение Саарской области (1935 г.), ремилитаризация Рейнской зоны (1936 г.) и т.д.

Усиление военной мощи Германии, многократно умноженное эйфорией от первых внешнеполитических успехов нацистов, явное нежелание британских и французских руководителей всерьез ссориться с Гитлером и их тайные попытки "канализировать" германскую агрессию на Восток поставили перед советским политическим руководством новые задачи в сфере внешней политики. На смену тесному торгово-экономическому и военному сотрудничеству двух "обиженных" Версальской системой стран - Германии и Советской России - выдвигается идея создания системы коллективной безопасности в Европе в целях сохранения мира и предотвращения германской агрессии. В начале декабря 1933 г. принимается соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Народный комиссариат иностранных дел разработал развернутый план создания системы коллективной безопасности, предлагая вступить в Лигу Наций и в рамках ее заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

В сентябре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, активно используя отныне ее трибуну для инициирования и пропаганды идеи коллективной безопасности. Вряд ли, однако, Сталин считал Лигу Наций достаточно серьезной организацией: для него она была лишь "бугорком на пути к тому, чтобы хоть несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело

мира". Неудачная попытка подписания Восточного пакта (СССР, Польша и др.) как регионального инструмента противодействия германской агрессии подтолкнула советское руководство к более активному политическому диалогу с Францией и улучшению отношений со своими ближайшими западными соседями. Результатом этих усилий стало подписание договоров о взаимопомощи с Францией (2 мая 1935 г.) и Чехословакией (16 мая 1935 г.). В тот период обе европейские страны являлись потенциальными целями германской экспансии и были заинтересованы в поиске надежных союзников. СССР в их число явно не входил, поэтому эти договоры носили скорее символический характер - военная конвенция по вине французского правительства так и не была подписана. Чехословакия и СССР могли помочь друг другу только в том случае, если и Франция придет на помощь жертве агрессии. На этом пункте договора настоял министр иностранных дел Чехословакии Бенеш.

Подписывая эти соглашения, Сталин прежде всего заботился об укреплении внешнеполитического положения СССР, и хотя судьба Франции и Чехословакии его явно мало волновала, отношение советских руководителей к данным договорам было более чем серьезным - они представлялись первой реальной попыткой выхода из политической изоляции и вносили раскол в гипотетическую объединенную капиталистическую Европу, направленную против СССР. В правящих же кругах Парижа и Праги договоры с СССР рассматривались лишь как средство давления на Гитлера в процессе его умиротворения, и поэтому в дальнейшем они остались без практического применения.

2. Советский Союз и гражданская война в Испании 1936-1939 гг.

18 июля 1936 года в Испании начался мятеж консервативной части армии против коалиционного правительства демократических сил. Чтобы избежать неминуемого поражения, мятежники обратились за помощью к Гитлеру и Муссолини и получили ее. Правительство Испанской республики искало поддержки у правящих кругов Англии, Франции, США и др., но нашло понимание только у руководства СССР.

Мотивы принятия решений Гитлером, Муссолини, руководителями Англии, Франции, США в выборе той или иной политики в отношении испанского конфликта, а так же и сама политика, в достаточной степени изучены отечественными и зарубежными историками. Что касается России, то здесь все обстоит гораздо сложнее. Если в западных странах в распоряжении историков находится подавляющее большинство архивных материалов тех лет, включая документы первых лиц, многие участники выработки политики в отношении гражданской войны в Испании опубликовали свои воспоминания, то в России ключевые документы по данной проблеме (если таковые вообще существуют) историкам пока недоступны, мемуарная же литература по этой теме практически отсутствует. Опубликованные в свое время официальные документы советского руководства не дают исчерпывающего ответа на вопрос о мотивах вмешательства СССР в конфликт на Пиренейском полуострове, хотя сам процесс оказания помощи Испанской республике не раз становился предметом изучения и на Западе, и в СССР, и в современной России.

В этих условиях представляются обоснованными многочисленные попытки создания того или иного «образа» советской политики в отношении Испании. Суммируя их, можно, разумеется с определенной долей относительности, выделить три основные версии, сложившиеся в историографии за 70 лет.

В СССР существовала официальная трактовка причин вмешательства в испанские дела, объяснявшая все интернациональным долгом советских рабочих и крестьян перед рабочим классом и крестьянством Испании, вступившими в вооруженную

борьбу с международным фашизмом. На Западе до окончания «холодной войны» определенное распространение получила консервативная версия о том, что Советский Союз, якобы, пришел на помощь Испанской республике с целью продвижения «мировой революции» и установления там советской власти. Наконец, третья точка зрения представлена в работах профессиональных западных историков демократической ориентации, она отвергает и советский, и консервативный подходы и пытается объяснить причины советского вмешательства в испанскую гражданскую войну прагматическими внешнеполитическими интересами советского руководства, стремившегося через оказание помощи Испанской республике установить более тесное сотрудничество прежде всего с Францией и по возможности с Великобританией перед лицом фашистской угрозы. На наш взгляд, последняя версия, будучи к тому же подкреплённой различными косвенными источниками, более других соответствует «образу» советской внешней политики 1930-х годов и в испанском вопросе, и по другим направлениям.

По свидетельству различных косвенных источников извести о вооружённом мятеже в Испании в Москве встретили спокойно. Информация по Испании носила противоречивый характер и ввиду отсутствия дипломатических отношений с этой страной, а значит и главного источника информации, советскому руководству приходилось полагаться на зарубежную прессу, нелегальную разведку и Коминтерн. Последний источник представлялся наиболее надёжным и он уверял советских руководителей в скором подавлении испанским правительством военного мятежа.

Выждав около двух недель и не дождавшись обещанной победы сторонников Испанской республики, советское руководство начинает кампанию оказания гуманитарной помощи. Первыми в СССР в защиту Испанской республики выступили общественные и формально неправительственные организации — Всесоюзный центральный совет профсоюзов, ВЛКСМ, МОПР, Союз советских писателей и др. В тот период они не могли сделать это самостоятельно, не получив указания свыше. Пока точно не известно, когда и при каких обстоятельствах в СССР было принято решение об оказании гуманитарной помощи Испанской

республике. В литературе встречаются данные о заседании исполкома Коминтерна 21 июля, на котором якобы было принято решение об оказании Испанской республике помощи деньгами и материалами на добровольной основе, хотя это отрицали некоторые руководители Коминтерна, например П. Тольятти. На заседании представителей компартий в Праге 26 июля обсуждались возможные каналы оказания помощи республике, в том числе и вопрос о направлении добровольцев в Испанию. Что касается решения советского руководства, имевшего принципиальное значение, то лучше всего об этом написал британский историк М. Алперт: «СССР выразил республике публичную симпатию в сочетании с официальной сдержанностью. Тем не менее, Советский Союз не мог позволить себе оставаться в стороне, если он хотел оставаться лидером антифашистского мира. Это порождало конфликты, и то, как проходил процесс принятия решения по поводу Испании, остается неясным». Как представляется, Сталин принял решение об оказании Испанской республике морально-политической и гуманитарной помощи через общественные организации, видимо, в конце июля, и в данном случае это была обычная демонстрация пролетарского интернационализма недорогой ценой. Государственные официальные структуры оставались как бы в стороне, и в случае каких-либо международных осложнений всегда оставалась свобода маневра.

Оказание гуманитарной помощи Испанской республике не было для советского руководства каким-то совершенно новым делом. В октябре 1934 г. испанская реакция жестоко подавила восстание сторонников демократии и 2 декабря секретариат ВЦСПС, рассмотрев вопрос «Об оказании помощи жертвам фашистского террора в Испании», принял решение о проведении единовременных отчислений из заработной платы для пострадавших во время подавления восстания. В течение нескольких дней было собрано 700 тыс. золотых рублей. Весной 1935 г. советское руководство предоставило политическое убежище примерно 80 эмигрантам — участникам восстания, среди которых были не только члены компартии Испании, но также социалисты, анархисты и др. Все они были направлены в Донбасс, где работали с сентября 1935 г. по март 1936 г. на паровозостроительном заводе в Луганске и на шахте в Гришине. Они возврати-

лись на родину в апреле 1936 г. в результате амнистии, объявленной после победы на выборах Народного фронта, и уже в июле вновь приняли участие в вооруженной борьбе с мятежниками.

После принятия Сталиным решения об оказании Испанской республике гуманитарной помощи заработал мощный пропагандистский аппарат, дав необходимый толчок развертыванию всенародной кампании солидарности с этой страной. Так, на одном из совещаний в ЦК ВКП(б) было принято решение «в городах, селах, на всех предприятиях, в колхозах и учреждениях от имени профсоюзных организаций созвать митинги», на которых «ставить короткие доклады, освещающие события в Испании, и принимать резолюции — обращения солидарности с героическим испанским народом, борющимся под руководством своего законного национального правительства за свободную республиканскую Испанию против мятежников, фашистов, поддерживаемых германским и итальянским фашизмом», ВЦСПС предписывалось выступить с инициативой в газетах, ЦК ВЛКСМ — «организовать митинги молодежи, печати — широко освещать кампанию солидарности в прессе».

Первые митинги солидарности на предприятиях Москвы, Ленинграда состоялись 2 августа, их участники приняли решение об оказании испанскому народу материальной помощи. 3 августа в Госбанке СССР был открыт специальный счет, на который уже 5 августа, несмотря на постановление секретариата ВЦСПС об ограничении добровольных сборов 1,5% месячного заработка, поступило 12 млн. 145 тыс. рублей. «От имени ВЦСПС, — пишет М. Кольцов, — Шверник перевел эту сумму во франках, т. е. 36 млн. 435 тыс. франков на имя премьер-министра Испании Хиралья, в распоряжение испанского правительства».

Энтузиазм населения в вопросе сбора средств превысил все ожидания, и 5 августа секретариат ВЦСПС был вынужден принять решение о введении некоторых ограничений, в частности была введена разнорядка по регионам, так Московской области — 2450 тыс.р., Ярославской области — 140 тыс.р. Руководству региональных профсоюзов было предложено в целях сокращения размера взноса каждого трудящегося провести рас-

пределение вышеуказанных сумм, установленных для области, на большее количество предприятий и учреждений.

В начале сентября в связи с наступлением мятежников и появлением реальной угрозы падения законного правительства республики параллельно с решением об оказании военной помощи было принято решение продолжить митинги солидарности с республикой и отправку гуманитарных грузов. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 11 сентября 1936 г. было признано необходимым организовать сбор средств среди женщин-работниц и крестьянок на покупку и посылку продовольственных продуктов детям и их матерям в Испании, а товарищам Андрееву, Хрущеву, Николаевой и Таль организовать обеспечение принятого решения.

12 сентября работницы московской «Трехгорной мануфактуры» в ответ на ухудшение военно-политического положения республиканцев обратились в этот день с открытым письмом к советским женщинам и призвали организовать продовольственную помощь женщинам и детям Испанской республики.

После призыва «Трехгорки» в стране развернулись активные мероприятия по сбору помощи. Примечателен тот факт, что если в первый период, в начале августа, главным призывом было «оказать помощь испанскому народу, борющемуся с фашистскими мятежниками», то новый виток кампании призывал «оказать помощь женщинам и детям борющегося испанского народа». Данный тезис, видимо, вытекал из желания показать чисто гуманитарный характер помощи, которую оказывал Советский Союз и скрыть военные поставки в Испанию. Декларирование помощи женщинам и детям позволяло отвергать обвинения о вмешательстве в испанские дела. С 12 сентября кампания проводилась в основном среди женщин СССР, они стали основными участниками движения солидарности. Первыми откликнулись работницы фабрик «Красный богатырь», «Парижская коммуна», «Ява» и др. Инициативу работниц «Трехгорной мануфактуры» подхватили состоявшиеся в сентябре общегородские митинги трудящихся женщин Москвы, Ленинграда, Харькова, Баку и других городов страны. Многие трудовые коллективы приняли самостоятельные решения о ежемесячном отчислении от 1% до 25% заработной платы в фонд помощи детям и матерям Испа-

нии. Другие трудились в выходные, отрабатывали сверхурочные часы.

На том же заседании политбюро было принято решение отправить первый пароход с продовольствием, оно обязывало наркомвнутторг сосредоточить продукты экспортного качества в Одессе не позднее 18 сентября 1936 года.

23 сентября 1936 г. на заседании политбюро также обсуждалось решение об отправке пароходов в Испанию. Народному комиссариату финансов было предложено оплатить соответствующим ведомствам стоимость продуктов, а также возместить фрахтовые, накладные и страховые расходы.

Активное участие в сборе средств принимали не только рабочие и работницы, но и интеллигенция — писатели, деятели искусства. В фонд перечислялись сборы от концертов, платных лекций, выставок и т. д. Добровольные взносы сделали писатели: А. Фадеев, А. Толстой, Д. Бедный, М. Шолохов и др. Гонорары от своих публикаций перечислили М. Кольцов, М. Светлов, И. Эренбург, А. Афиногенов и др.

Посильную материальную помощь Испанской республике оказывали и другие, менее обеспеченные слои населения СССР, — колхозники, пенсионеры, домохозяйки, студенты, школьники и даже дети дошкольного возраста: так, 5-летний ярославец Ю. Бондаренко внес 5 руб. 62 коп.

Всего с августа 1936 г. по июнь 1941 г. было собрано 277614 тыс. рублей, что соответствовало 1272 374 тыс. франков. Для сравнения: народы 17 самых богатых стран того периода (Великобритании, Канады, США, Франции, Швеции и др.) собрали всего около 800 млн. франков.

Основной объем советской гуманитарной помощи приходится на период с августа 1936 г. по конец 1937 г. Дальнейшее его уменьшение объясняется рядом серьезных причин, таких, как, осложнение международной обстановки в Европе, связанное с ростом агрессивности фашистских держав, длительностью войны и психологическим к ней привыканием и др. Так, в телеграмме И. М. Майскому от 4 мая 1937 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин сообщает о 84 случаях задержки советских судов в районе Гибралтара и в Средиземном море. В поисках советского оружия франкисты и

их союзники иногда конфисковывали груз, как в случае с пароходом «Смидович», который шел в Испанию с продовольствием на борту.

Одним из существенных аспектов гуманитарной помощи стал прием Советским Союзом осиротевших в ходе войны детей командиров-коммунистов на воспитание. По решению ЦК ВКП(б) в их эвакуации и размещении в СССР приняли участие МОПР, ВЦСПС, комсомол, наркомпрос РСФСР, наркомат здравоохранения. Всего в СССР было вывезено около 4 тыс. испанских детей.

В 1937—38 годах была открыта сеть детских домов для их обучения и воспитания. ЦК ВКП(б) утвердил специальное положение об этих детских домах, школьный отдел ЦК ВКП(б) осуществлял общее руководство организацией учебной и политико-воспитательной работой. В целом для испанских детей были созданы неплохие условия для учебы, отдыха, всестороннего развития и получения специальности, большинство советских детей в тот период таких возможностей не имело. Детские дома для испанских детей функционировали с 1937 г. по 1951 г. и располагались преимущественно в Москве и Подмосковье, Ленинграде и Ленинградской области, а также в Киеве, Куйбышеве, Харькове, Херсоне, Евпатории. Во время Великой Отечественной войны все детские дома были эвакуированы в глубь страны.

Судьба испанских детей очень различна. Многие из них вернулись в Испанию, другие остались жить на своей второй родине, одни тепло вспоминали период учебы в СССР, другие считали эти годы далеко не самыми лучшими в своей жизни. Главный упрек обычно сводится к тому, что их подвергали излишне массовой идеологической и политической обработке.

Так, Р. Фрезер (на основе записанных интервью) в самых восторженных тонах пишет о том, с какой заботой проводилась эвакуация, как много было сделано в СССР для испанских детей, однако здесь же он приводит высказывание испанской учительницы: «В Советском Союзе я себя чувствовала так, как будто я находилась в тюрьме, и научилась ценить свободу и независимость».

Позитивные чувства наиболее глубоко выразил бывший воспитанник П. Гутьеррес: «И, может быть именно в Испании,

после стольких лет разлуки, встречая родных и знакомых ... я как-то особенно остро ощутил то, что сделал для нас Советский Союз, который в трудный час поделился с нами лучшим, что имел ... который стал для нас второй родиной».

Главную роль в кампании солидарности с Испанской республикой играли общественные организации, организованное начало ей было положено программной речью председателя ВЦСПС Н. М. Шверника на митинге в Москве 2 августа 1936 г. Именно из его уст впервые прозвучали на всю страну простые и понятные лозунги «Руки прочь от испанского народа!», «Да здравствует Испанская республика!», «Долой испанских мятежников и их германских и итальянских вдохновителей!». Речь Шверника транслировалась по радио и была напечатана во всех центральных и местных газетах.

Советские профсоюзы организовали три волны митингов в связи с тремя октябрьскими (1936 г.) заявлениями советского правительства в комитете по невмешательству, одобряя и поддерживая позицию руководства страны в испанском вопросе. В Одессе и Ленинграде были проведены митинги в связи с отправкой в Испанию пароходов с гуманитарной помощью и в связи с потоплением трех советских пароходов.

Советский комсомол был другой крупной общественной организацией, принявшей самое активное участие в осуществлении кампании солидарности с республиканской Испанией. Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев, представители в КИМе Н. Прокофьев и В. Чемоданов предпринимали энергичные усилия с целью организации совместных действий молодежных организаций разных стран в поддержку своих сверстников в Испании. Комсомольские органы, принимали участие в организации митингов как общих, так и чисто молодежных.

Советская секция МОПР, объединявшая около 9 млн. членов, под руководством Е. Д. Стасовой также принимала участие во всех общих прореспубликанских мероприятиях, одновременно вела и свою специфическую деятельность в поддержку испанских революционеров.

Испанская тема нашла свое отражение в творчестве советских деятелей искусства, заняв достойное место в публицистике М. Кольцова, И. Эренбурга, О. Савича, в художественном творче-

стве А. Афиногенова, М. Светлова и др., в творчестве художников Б. Ефимова, В. Петрова, в кинодокументалистике Р. Кармена и Б. Макасева, в спектакле Малого театра «Салют, Мария!» А. Афиногенова. Ведущие советские писатели приняли участие в конгрессе писателей в Испании в июле 1937 г.: М. Кольцов (глава делегации), А. Толстой, И. Эренбург, А. Фадеев, В. Вишневский, А. Барто, В. Финк, В. Ставский, И. Микитченко, Ф. Кельин.

Демонстрация солидарности с борьбой испанского народа проявлялась в СССР в самых разнообразных формах: активная переписка с испанцами, естественным ограничителем которой являлся языковой барьер, присвоение трудовым коллективам имени руководителей КПИ, прием испанских делегаций и т. д.

Партийные, комсомольские и государственные органы всех уровней, исполкомы Коминтерна и Коммунистического интернационала молодежи были завалены заявлениями советских граждан, которые выражали желание принять участие в антифашистской войне испанского народа в качестве добровольцев, усыновить или принять на воспитание эвакуированных в СССР испанских детей.

Приведенные данные позволяют с уверенностью говорить о том, что большинство советских людей были искренне солидарны с борьбой трудящихся Испании, невольно сравнивая испанские события с тем, что совсем недавно происходило в России – гражданской войной, надеясь на победу и установление в Испании советской власти. Многие бойцы интернациональных бригад из разных стран мира так же были убеждены, что они сражаются за испанскую советскую республику. Эти же настроения разделяла и значительная часть рабочего класса самой Испании.

Вполне вероятно, что высшие советские руководители, будучи большевиками и последовательными борцами за победу коммунизма во всем мире, в глубине души испытывали те же самые чувства по отношению к событиям в Испании. Находясь, однако, во главе огромного государства, им приходилось тщательно маскировать подобные настроения и в отношении Испании вырабатывать такую политическую линию, которая была бы полезна и выгодна и Испанской республике, и Советскому Союзу, а так же устраивала бы демократические страны Запада. Последнее обстоятельство вынуждало советских руководителей придерживаться

ся таких принципов, как осторожность, скрытность, отрицание очевидных фактов, учет положений международного права.

В настоящее время считается доказанным и в зарубежной, и в отечественной историографии тот факт, что в планы советского руководства не входило установление советской власти в Испании в период гражданской войны. Представители различных левых революционных группировок даже упрекали СССР в проведении контрреволюционной политики в угоду буржуазии и в уничтожении «истинных революционеров», боровшихся в ходе гражданской войны за победу социалистической революции.

Столь же очевидно, что в июле-августе 1936 года советское руководство не планировало какого-либо серьезного вмешательства в испанский конфликт, рассчитывая ограничиться моральной поддержкой и гуманитарной помощью. Оно решительно отклоняло все упорные, многочисленные просьбы правительства Испанской республики о закупках оружия в СССР, более того после длительного обсуждения 23 августа политбюро ЦК ВКП (б) пошло на подписание декларации о невмешательстве в испанскую войну.

По свидетельству И.М. Майского на позицию советского руководства в тот период в значительной степени влияли такие факторы, как расчет на быстрое подавление мятежа правительством и неверие в возможность серьезной итало-германской интервенции. В политических кругах Европы, отмечал Майский, господствовало мнение, что борьба в Испании — чисто внутренняя, она должна закончиться в течение нескольких недель и не окажет серьезного влияния на мировую политику, не случайно ему, послу СССР в Англии, разрешили в середине августа уехать в отпуск на 7 недель на Кавказ.

Мы пока не знаем, в какой день и в каком формате происходил поворот советской политики в отношении Испании. По свидетельству косвенных источников это могло случиться либо в самом конце августа, либо в начале сентября, когда стало очевидным, что мятежники при массовой военной поддержке Германии и Италии одержат победу в самое ближайшее время. Во всяком случае точно известно, что 14 сентября начальник разведывательного управления наркомата обороны С. Урицкий и начальник иностранного отдела НКВД А.Слущкий, выполняя полу-

ченное ранее поручение, представили Л. Кагоновичу и К. Варошилову первый план мероприятий по «Х» (Испании), который предусматривал создание за границей через агентуру специальных фирм для закупки и отправки оружия и военных материалов в Испанию, а так же организацию военных поставок непосредственно из СССР. 29 сентября, когда первая партия оружия для Испанской республики уже находилась в пути, этот план был одобрен на заседании политбюро ЦК ВКП(б).

Принятое решение об оказании Испанской республике военной помощи носило принципиальный характер, так как в отличие от моральной, дипломатической поддержки и гуманитарной помощи это означало нарушение взятых на себя обязательств, вытекавших из недавно подписанного соглашения о невмешательстве. Что же заставило советское руководство решиться на такой рискованный шаг, означавший неизбежное осложнение внешнеполитического положения СССР?

Прежде всего, необходимо отметить, что никакого официального заявления Советского Союза о начале оказания военной помощи Испанской республике не последовало. Вряд ли таковыми можно считать три заявления советского правительства в Комитете по невмешательству в октябре 1936 года, содержавшие лишь намеки на возможность нарушения Советским Союзом соглашения о невмешательстве. В официальных выступлениях Сталина, Литвинова, Ворошилова, других советских руководителей никогда не затрагивался военный аспект оказания помощи Испанской республике, так же как и вопрос о мотивах его оказания.

Советская военная помощь Испанской республике осуществлялась в условиях строжайшей секретности под кодовым названием «Операция «Х»». Ею руководила специальная группа «Х» разведывательного управления наркомата обороны. В конце 1937 г. эта группа была выведена из состава разведывательного управления и передана в Генеральный штаб, образовав там совместно с группой по Китаю отдел специальных заданий. Группа «Х» занималась отправкой в Испанию личного состава, боевой техники и военного снаряжения, а также сбором и обобщением информации о событиях в Испании. Советская военная помощь осуществлялась по трем основным направлениям: военно-техническая; участие военных специалистов в создании регулярной армии, в

разработке операций и непосредственно в боевых действиях; подготовка испанских военных специалистов.

Советская военная помощь осуществлялась на основе заявок республиканского правительства, которые передавались либо по дипломатическим каналам, либо специальными правительственными эмиссарами К. Ворошилову. Как правило, вопросы военной помощи решались оперативно, Сталин лично просматривал заявки и иногда уменьшал количество запрашиваемой военной техники.

Советская военная помощь осуществлялась на коммерческой основе, все расчеты вел наркомат внешней торговли. Испанскому правительству выставлялся счет за каждый пароход с оружием, и суда отправлялись в путь только после получения правительственной визы.

Испанская сторона оплачивала не только стоимость закупленного оружия, но и все косвенные расходы, связанные с отправкой грузов и людей в Испанию, — доставку по железной дороге в порты, погрузку и разгрузку, фрахт пароходов, денежное довольствие советским специалистам и командам судов.

В октябре 1936 г., когда войска Франко подошли к Мадриду и правительство приняло решение перебраться в Валенсию, премьер-министр правительства Испанской республики Л. Кабальеро и министр финансов Х. Негрин официально обратились к советскому руководству с просьбой принять на хранение около 500 тонн золотого запаса Испании. Просьба была рассмотрена на заседании политбюро 17 октября, и ответ, переданный через посла СССР в Мадриде М. Розенберга, гласил: «Мы готовы принять на хранение золотой запас, и мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах с тем условием, что золото будет сопровождаться уполномоченными испанпра (испанского правительства — М.Н.) или Минфина и что наша ответственность за сохранность золота начинается с момента сдачи его Наркомфину СССР в нашем порту». 20 октября 1936 года 510 тонн золота было погружено на 4 советских парохода, доставивших грузы в Испанию, и 6 ноября золото было передано на хранение в наркомфин СССР.

Объясняя мотивы такого решения, Л. Кабальеро писал, что в условиях, когда существовала угроза захвата золотого запаса

мятежниками, правительство решило передать его на хранение в государственный банк СССР, предложивший свои услуги с предоставлением всех необходимых гарантий. По словам Л. Кабальеро, за счет испанского золота, депонированного в госбанке СССР, оплачивались все закупки вооружения, производимые республиканским правительством как в самом Советском Союзе, так и в других странах.

Доставка военных грузов из СССР в Испанию осуществлялась, в основном, морем, сначала из Одессы, Севастополя, Керчи, Феодосии, затем из Ленинграда и Мурманска на испанских, советских и зафрахтованных иностранных пароходах. В порты грузы доставлялись железнодорожными составами с соблюдением мер предосторожности против утечки информации. Погрузочно-разгрузочные работы, охрану обеспечивали специальные группы краснофлотцев и начальник порта. Всего из СССР в Испанию было отправлено 66 пароходов с военным грузом, и почти все они дошли до портов назначения. Не дошли до цели всего два судна, причем одно село на мель у республиканских берегов и было в основном разгружено, другое, не сумев прорвать блокаду, ушло в г. Алжир и разгрузилось там.

Из черноморских портов суда следовали через проливы с обязательным заходом на один из островов греческого архипелага, где производилась окончательная маскировка, и отсюда под чужим флагом путь пролегал вдоль африканского побережья, южнее общепринятых морских торговых путей. Из Ленинграда суда шли через Балтийское море, из Мурманска — через Северное море до французских портов на атлантическом побережье, далее грузы доставлялись в Испанию по железной дороге. Эти маршруты считались более безопасными с точки зрения возможного нападения кораблей противника, однако здесь возникали другие проблемы — эти маршруты были значительно протяженнее, в Северном море и в Бискайском заливе суда часто попадали в затяжные штормы, причем от капитана и команды требовалось и мужество, и умение, чтобы выбраться из них невредимыми.

Разгрузка судов, следовавших через Черное и Средиземное моря, осуществлялась, в основном, в испанском порту Картахена и также была сопряжена со значительными проблемами. Порт подвергался атакам франкистской авиации в течение всей

войны и в дневное, и особенно в ночное время. О прибытии транспортов с оружием мгновенно узнавал весь город. «Секретность в условиях Картахены являлась делом безнадежным», — писал позднее Н. Г. Кузнецов. Франкистская агентура, пользуясь этим, старалась организовать прицельные бомбардировки как пароходов, так и разгруженных военных материалов. По мнению Н. Г. Кузнецова, разгрузка шла медленно, но больше всего его беспокоила та беспечность, с которой испанцы обращались с боеприпасами и бензином, с размаху бросая ящики со снарядами в кузов автомобиля и устраивая перекуры около бочек с бензином. Наш военно-морской атташе объяснял подобное поведение «наивной беспечностью, столь свойственной южанам, и отсутствием военного опыта (ведь Испания по-настоящему не воевала со времен Наполеона)».

Кроме того, анархистские профсоюзы то и дело срывали разгрузку в порту, увлекая за собой часть рабочих. Прибывшие на транспортах самолеты, танки, пушки, винтовки без достаточной охраны лежали на причалах, их вывозка осуществлялась медленно. Сотни вагонов с оружием, готовых к отправке, простаивали из-за нехватки паровозов.

Несмотря на вышеперечисленные трудности, основная масса советской военной техники, оружия и военного снаряжения дошла до тех, кому все это предназначалось, — солдат и офицеров Народной армии Испанской республики; всего было доставлено около 600 тыс. тонн военных грузов.

Поставки военной техники, оружия и боеприпасов в Испанию в 1936—1938 гг.

	СССР	Германия	Италия
Самолеты всех типов	648	593	1000
Танки	347	250	950
Бронеавтомобили	60	-	-
Артиллерийские орудия	1186	700	1930
Минометы	340	6174	1426
Пулеметы	20486	31000	3436
Винтовки	497813	157306	240747
Патроны (млн. шт.)	862	250	324,9
Снаряды (млн. шт.)	3,4	1,1	7,7
Авиабомбы (тыс. шт.)	110	-	17
Подводные лодки	-	-	8
Торпедные катера	4	-	-

Основные приведенные здесь данные о размерах военной помощи республиканцам и франкистам были впервые опубликованы в виде сводной таблицы М. Т. Мещеряковым на основании исследований, проведенных испанскими, германскими, итальянскими специалистами. Уточненные сведения о советских военных поставках Испанской республике (они представлены в таблице) приводятся в исследовании Ю. Е. Рыбалкина. Думается, что можно считать их окончательными.

Как явствует из таблицы, объем советских поставок, хотя и уступал объему итало-германских поставок, был тем не менее значительным. По некоторым позициям (винтовки, патроны, авиабомбы) республиканцы имели преимущество перед франкистами, что касается танков, то количественное превосходство итальянских и германских боевых машин уравнивалось качественным превосходством советской бронетехники. Если учесть мексиканскую военную помощь (на 2 млн. долл. США), закупки техники и оружия, произведенные республиканцами в других странах (по данным Ж. Сория, в Европе и США был закуплен 321 самолет), а также военную продукцию Испанской республики (320 самолетов, 337 броневинов, снаряды, патроны, гранаты и т.д.), то преимущество франкистов в вооружениях станет еще меньше, т.е. тезис о подавляющем их превосходстве в танках, самолетах, пушках и т. д. становится более чем сомнительным. Военное превосходство франкистов в ходе войны сказалось скорее не в том, что они получили больше оружия, а в более рациональном и эффективном его использовании.

Особенно наглядно это видно на примере военно-морских сил. Несмотря на то, что в начале мятежа подавляющее большинство боевых кораблей осталось в составе ВМС Испанской республики, уже в ноябре 1936 г., по свидетельству Н. Г. Кузнецова, флот мятежников представлял для республиканцев значительную угрозу. Он отмечает невысокую грамотность и слабую боевую выучку командиров кораблей, выдвинутых на эти должности из числа низших офицеров флота, сохранивших верность республике.

Советские военные поставки Испанской республике

	1.10.1936- 1.08.1937	14.12.1937— 11.08.1938	25.12.1938— 28.01.1939	Итого
Самолеты всех типов	496	152	—	648
Танки	322	25	—	347
Бронеавтомобили	60	—	—	60
Орудия	714	469	3	1186
Пулеметы	12804	4910	2772	20486
Винтовки	337793	125020	35000	497813

Из таблицы видно, что основная часть советской военно-технической помощи Испанской республике приходится на начальный период войны – октябрь 1936 г. – июль 1937 г., когда доставка грузов осуществлялась, в основном, из черноморских портов через Средиземное море. Существенное уменьшение объемов поставок в период с июля 1937 г. по июль 1938 г. невозможно объяснить только морской блокадой, так как в этот период франко-испанская граница была полностью открыта и снабжение республиканцев осуществлялось северным путем, через Францию. Система взяток французским чиновникам решала проблему транзита военных грузов через эту страну. Фактор блокады мог существенно сказаться с июля 1938 г., после закрытия франко-испанской границы.

В связи с отсутствием точной информации и в отечественной, и в зарубежной литературе приводятся различные версии причин уменьшения советских военных поставок, такие как недостаточные возможности советской военной промышленности того периода, помощь Китаю и Монголии в отражении японской агрессии, необходимость мобилизации ресурсов во время чехословацкого кризиса, исчерпание испанского золотого запаса, перспектива снабжения в кредит без четкой гарантии на военный успех и т. д.

В работах М.Т. Мещерякова и Ю.Е. Рыбалкина в качестве одной из причин называется изменение к концу 1937 года позиции Сталина в отношении Испанской республики, по словам авторов она менялась в зависимости от обстановки на фронтах Испании и на международной арене, а также от настроения Сталина, на которое могли повлиять самые разные факторы, такие как отказ республиканского командования выполнить указание из Москвы,

недоразумения с военными трофеями или антисоветская провокационная статья в испанской газете.

Известно много обращений республиканского правительства к СССР за помощью, которые Сталин просто игнорировал. Положение республики стало особенно тяжёлым, когда 15 апреля 1938 г. франкисты вышли к Средиземному морю, перерезав республиканскую зону на две части. Однако просьбы поставить технику и оружие из Советского Союза в тот период не увенчались успехом. Нарком иностранных дел СССР М. Литвинов 29 апреля 1938 г. сообщал поверенному в делах СССР в Испании С. Марченко: "Просьбу Негрина о помощи я передал в инстанцию (в политбюро М.Н.), но решение ещё не принято". Вопросы республиканского правительства о новых поставках оружия Литвиновым "ставились перед надлежащей инстанцией, но решений не имелось" (19 июля 1938 г.). Наконец, 7 августа Литвинов пишет Марченко в Барселону: "По поставленным испанпра вопросам до сих пор решений нет. Я объясняю себе причину задержки решений тем, что ответы намечаются отрицательные".

Думается, авторы правы, отмечая раздраженность Сталина неудачами в Испании. Как представляется, Сталин по ходу гражданской войны все отчетливее начинал понимать, что та цель, которую он поставил, серьезно ввязываясь в испанский конфликт – налаживание сотрудничества с демократическими государствами в процессе решения испанской проблемы, не может быть достигнута, а значит и все усилия СССР по оказанию помощи Испанской республике напрасны.

Однако, в этом случае представляется не логичным решение Сталина о выделении серьезного кредита Испанской республике для закупки большой партии советского оружия в конце 1938 года, когда мало кто в мире сомневался в скорой военной победе франкистов.

В декабре 1938 г. командующий авиацией Испанской республики И. И. де Сиснерос был направлен премьер-министром Х. Негрином в Москву с просьбой об оказании срочной военной помощи. «Я запомнил некоторые данные. Двести пятьдесят самолетов, двести пятьдесят танков, четыре тысячи пулеметов, шестьсот пятьдесят орудий и все остальное в таких же размерах. Список этот показался мне фантастическим», – отмечал И. И. де Сиснерос

в своих воспоминаниях. Вот как описывает он свою встречу с И. В. Сталиным: «Я чувствовал себя весьма неловко, когда мы начали читать цифры требований, потому что мне они казались астрономическими и далекими от реальности. С удивлением и радостью я увидел, что Сталин выражает свое согласие... Рассмотрение списков закончилось полным их одобрением. Я не мог опомниться от изумления».

И только после утверждения объемов и сроков поставок оружия советские руководители поставили вопрос об их оплате. «Я был поражен и не знал, что сказать, потому что Негрин (видимо, умышленно) не предупредил меня о том, что запасы испанского золота в Москве были исчерпаны в связи с закупками оружия, материалов и продовольствия — всего того, что нам пришлось приобретать за границей в течение двух лет для нужд войны». Советское руководство решило предоставить Испании кредит на сумму стоимости вооружений. «Единственной гарантией этого займа, — подчеркивает И. И. де Сиснерос, — служила моя подпись, т. е. лишь под мою подпись Советский Союз предоставлял Испании более ста миллионов долларов».

Вопрос о предоставлении кредита и выделении оружия решался оперативно. «Не теряя ни одной минуты, советские товарищи начали готовить оружие к отправке». Из Мурманска советское оружие было доставлено на семи пароходах во французский порт Бордо. Это оружие попало в Испанию однако слишком поздно. Судьба Каталонии, да и всей войны, была уже решена.

Данные, приводимые Сиснеросом, подтверждаются архивными материалами с некоторыми расхождениями в конкретных цифрах. СССР поставил республике 15 торпедных катеров с 30 торпедами, 40 танков Т-26, 134 самолета, 359 артиллерийских орудий с 1382 540 снарядами, 3 тыс. пулеметов, 40 тыс. винтовок со 100 млн. патронов общей стоимостью 55 359 660 долл. США. Из этой партии оружия через французскую границу удалось переправить 27 самолетов, двадцать орудий, 40 тыс. винтовок, 2400 пулеметов, большое количество патронов и снарядов, но использовать в боевых действиях все это республиканцы уже не успели, поэтому большая часть грузов была отправлена назад, во Францию, а остальное пришлось уничтожить.

В советской и современной российской историографии выделение кредита и последняя поставка оружия трактуется как стремление СССР помогать Испанской республике до конца, несмотря на пессимистические прогнозы в отношении исхода гражданской войны. В зарубежной литературе определенное распространение получила версия об умышленном затягивании Советским Союзом испанского конфликта с целью попытаться извлечь из этой ситуации гипотетические внешнеполитические выгоды, отсюда, согласно этой версии, явно дозированный характер советских военных поставок с осени 1937 года до конца войны.

Другой аспект советской военной помощи Испанской республике - участие советских специалистов в создании народной армии, а также их непосредственное участие в боевых действиях в достаточной степени отражены и в мемуарной, и в исследовательской литературе. Известно, что всего в Испанию из СССР было направлено 584 военных советника, 772 летчика, 354 танкиста, около 100 артиллеристов, 77 моряков, 166 связистов, 140 военных инженеров и техников, 204 переводчика, а также небольшие группы других военных специалистов. За годы войны с помощью советских наставников около 20 тысяч военнослужащих народной армии получили различные военные профессии, в том числе около 3 тысяч непосредственно в СССР в военных учебных заведениях в Кировобаде, Тамбове, Горьком, Сумах, Тифлисе и других городах.

Для литературы советского периода в соответствии с условиями цензуры был характерен преимущественно глянцево-пафосный стиль освещения преимущественно героических эпизодов, связанных с деятельностью советских военных специалистов в Испании, причем это касалось и мемуарных, и немногочисленных исследовательских работ. С конца 1980-х годов начинается процесс пересмотра советских стереотипов, примером является цитируемые в данной статье мемуары Н.Г. Кузнецова. В условиях трансформации общества М.Т. Мещеряков получает долгожданный доступ к архивным материалам. В одном из писем автору от 15.02.1992 он писал: «Пока я по-прежнему сижу в архиве и все больше погружаюсь в глубины, о которых я и не подозревал».

В 1993 году, уже после безвременной кончины М.Т. Мещерякова, в журналах «Отечественная история» и «Новая и но-

вейшая история» были опубликованы две его статьи, в которых автор заложил основы нового концептуального видения политики СССР и Коминтерна в Испании в 1936-1939 гг. В статье «СССР и гражданская война в Испании» он первым в отечественной историографии в столь авторитетном журнале отказался от тезиса о том, что «Советский Союз выступал в испанской войне как последовательный защитник интересов Испанской республики, сделавший все от него зависящее для торжества испанской демократии». Отмечая искренний характер солидарности советского народа с испанской республикой и признавая позитивный характер советской дипломатической, военно-технической, гуманитарной помощи по государственной линии, автор подчеркивал, что «советская политика в испанском вопросе была значительно более сложной и многогранной, что требует глубокого анализа и в значительной степени новых подходов».

В статье «Судьба интербригад в Испании по новым документам», опираясь преимущественно на вновь введенные в оборот документы Коминтерна по рассматриваемой проблеме, М.Т. Мещеряков вносит серьезные дополнения и изменения в созданную им в советский период концепцию участия Коминтерна в создании, функционировании и демобилизации интернациональных бригад. Покрытый лаком прежний героический образ предстает в данной статье более соответствующим своему суровому, безжалостному, противоречивому оригиналу. В интербригадовском движении, по мнению автора, были не только светлые, но и темные стороны, в нем переплетались «героическое и трагическое, высокое и низменное, интернационализм и национализм», рядом с революционным романтизмом и высоким интернационализмом соседствовали «низменные интересы и страсти, идеологическая нетерпимость, жестокость и другие не самые лучшие человеческие качества». «Интербригады, подчеркивает М.Т. Мещеряков, — были сложным и противоречивым историческим явлением, и их надо воспринимать такими, какими они были».

В статьях, кандидатской диссертации и монографии научного сотрудника Института военной истории Ю.Е. Рыбалкина предпринята успешная попытка комплексного анализа советского военного участия в испанских событиях. Он был одним из первых отечественных историков, кому довелось прикоснуться к архив-

ным документам военного ведомства, хранящимся в Российском государственном военном архиве и Центральном архиве Министерства обороны, а также к документам Архива Президента РФ и Архива внешней политики РФ и ввести их в научный оборот в значительном количестве.

Определяя цель своего монографического исследования, Ю.Е. Рыбалкин отмечает, что оно «позволит более объективно оценить военно-политическую обстановку в мире тех лет, установить закономерности и тенденции одного из самостоятельных, наиболее эффективных направлений внешней политической деятельности СССР по оказанию помощи народам и странам, боровшимся за свое национальное и социальное освобождение с внешними и внутренними врагами».

Ю. Е. Рыбалкин внес серьезные поправки и уточнения в анализ политических и экономических предпосылок советской военной помощи Испанской республике, в освещение самого процесса оказания помощи, справедливо выделяя в нем собственно военно-техническую помощь, деятельность советских военных советников и непосредственное участие советских военных специалистов в боевых действиях.

Благодаря усилиям М.Т. Мещерякова и Ю. Е. Рыбалкина история участия советских специалистов в испанской гражданской войне стала более объективной. Наряду с общей позитивной оценкой их деятельности отмечается наличие целого ряда проблем. По мнению авторов несомненный вред делу достижения военной победы республиканцев нанесли частая сменяемость советников, недостаточное их количество, противоречивые указания от К. Е. Ворошилова из Москвы, слабая профессиональная подготовка части советников (иногда старшие лейтенанты и капитаны выступали в роли наставников испанских полковников и генералов, что вызывало справедливые нарекания с испанской стороны), ошибки кадровиков наркомата обороны в отборе советников, когда в их числе оказывались хамы, пьяницы, профессионально непригодные офицеры.

Возникали проблемы и случайного порядка, такие, как болезнь К. А. Мерецкова, В. Е. Горева, В. Я. Колпакчи, конфликты ряда советников с политическими комиссарами и представителями НКВД в Испании. В отдельных случаях отрицательные по-

следствия имели особенности характера как советников, так и испанских командиров. Характерный эпизод в этом плане привел в своих мемуарах Р. Я. Малиновский. Его назначили советником к Э. Листеру, и шел он к нему с известным опасением, так как за Листером укрепилась репутация командира храброго, тактически грамотного, но не терпящего постороннего вмешательства и тем более опеки; владея русским языком, Листер «посылал к чертовой матери» всех, кто под горячую руку совался к нему с неразумными советами. И тем не менее, полковник Р. Я. Малиновский срабатался с равным ему по воинскому званию Э. Листером. «Я всегда старался щадить его самолюбие, – подчеркивал Р. Я. Малиновский, – давал те или иные советы так, что этого никто не видел, и никогда не превышал своих полномочий. Все решения он принимал единолично, а если ставил перед подчиненными боевые задачи, меня никогда не было рядом с ним».

Отрицательные последствия для народной армии имели сталинские репрессии. По свидетельству авиаконструктора А. С. Яковлева, «Сталин очень болезненно переживал неудачи в Испании», направляя свой гнев против советских военных специалистов. Многие из них были уничтожены в ходе войны, другие после ее окончания. В их числе два главных военных советника, Я. К. Берзин и Г. М. Штерн, военный атташе В. Е. Горев, начальник разведывательного управления наркомата обороны С. П. Урицкий, помощник начальника генерального штаба народной армии Я. В. Смушкевич, заместитель главного военного советника В. П. Бутырский, командующие истребительной авиацией П. И. Пумпур и Е. С. Птухин и др. В числе расстрелянных оба полномочных представителя СССР в Испанской республике М. М. Розенберг и Л. Р. Гайкис, генеральный консул в Барселоне В. А. Антонов-Овсеенко.

В зарубежной историографии деятельность советников оценивается неоднозначно: в консервативной литературе говорится, что всеми войсками республики якобы командовал русский штаб. Во многих работах встречается тезис о «чрезмерной осторожности» наших советников. В некоторых исследованиях и мемуарах их прямо называют «генералами тыла». Весьма характерны в этом плане некоторые эпизоды из романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Признавая всю неоднозначность проблемы,

в целом необходимо отметить несправедливость подобных упреков. И не только потому, что каждый десятый советский доброволец навсегда остался в земле Испании, а каждый пятидесятый получил звание Героя Советского Союза. Так уж были устроены советские люди, что, имея приказ не принимать непосредственного участия в боевых операциях и выполнять исключительно функции советников, они, исходя из сложной обстановки, садились за рычаги танков, вели огонь из орудий и пулеметов, водили в атаку военные подразделения народной армии.

Что касается советской дипломатической поддержки Испанской республики, то в годы войны советская дипломатия предпринимала попытки с помощью мирового сообщества прекратить вмешательство Италии и Германии в испанский конфликт, сорвать военно-экономическую блокаду республики, не допустить образования единого фронта крупных государств Европы против республиканской Испании. К сожалению, все попытки советской дипломатии окончились безрезультатно. Политика умиротворения фашизма, стойкий антикоммунизм и страх большевизации Испании удерживали руководителей Англии и Франции от совместных действий против Франко и его итало-германских покровителей. Самое большее, что удалось советским дипломатам, это не допустить в ряде случаев ухудшения международного положения Испанской республики.

В целом, помощь СССР Испанской республике всегда высоко оценивалась политиками и историками многих стран мира, разделявшими демократические убеждения. И действительно, Советский Союз был единственной крупной державой, оказавшей реальную поддержку молодой испанской демократии в ее борьбе с тремя европейскими диктаторами - Франко, Гитлером и Муссолини. Этот факт является бесспорным и даже прагматический характер мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт не может уменьшить его значимости. Волею судеб советские люди оказались в компании честных и порядочных людей и пока демократические ценности являются приоритетными, помощь СССР Испанской республике всегда будет одной из самых светлых страниц мировой истории.

3. Капитуляция в Мюнхене. Изоляция СССР

После аннексии Австрии 11 марта 1938 г. в результате которой территория Германии увеличилась на 17%, а население - на 10%, очередным объектом германской агрессии становится Чехословакия. Судетская область этой страны, где проживали 2,8 млн. немцев и 800 тыс. чехов, была буквально вовлечена в политический хаос действиями местных нацистов. Они настаивали на присоединении Судетской области к своей исторической родине - Германии. В свою очередь, Гитлер в ультимативной форме потребовал от руководства Чехословакии отказаться от Судетов в пользу Германии, угрожая в противном случае сделать это с помощью вермахта.

Поскольку чехословацкие руководители далеко не сразу пошли на уступки Гитлеру, в Германии был разработан план военного вторжения и намечена его точная дата - 1 октября 1938 г. Как показали позднее генералы, близкие к Гитлеру, он не блефовал и непременно напал бы на Чехословакию и тем самым поставил бы Европу на грань большой войны, так как потенциальная жертва агрессии имела договоры о взаимной помощи с Францией и СССР. Что касается советского руководства, то оно было готово принять участие в коалиционной войне против Германии. В сентябре 1938 г. в СССР была проведена частичная мобилизация резервистов, к западной границе выдвинуты 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, танковый корпус, более 500 боевых самолетов.

Одновременно с Германией территориальные претензии Чехословакии предъявили Польша и Венгрия, также угрожая военным вторжением. В этих условиях СССР оказал Чехословакии дипломатическую помощь, пригрозив Польше денонсацией советско-польского договора о ненападении в случае вторжения польских войск в Чехословакию.

Премьер-министры Франции и Англии Даладье и Чемберлен, выражая пацифистские настроения абсолютного большинства своих сограждан, в период чехословацкого кризиса остались в рамках политики умиротворения Гитлера. 19 сентября 1938 г. правительству Чехословакии была вручена совместная

англо-французская нота с требованием уступить притязаниям Германии на Судеты. Несмотря на подтвержденную в тот же день готовность советского руководства прийти на помощь Чехословакии, правительство последней без поддержки Англии и Франции решило капитулировать. Стойкий антикоммунизм членов правительства, недоверие к внешней политике СССР, недооценка военных возможностей Советского Союза поставили многих из них в ситуацию, когда вторжение Гилера показалось им предпочтительней защите страны Советским Союзом. 21 сентября 1938 г. правительство Чехословакии дало принципиальное согласие на англо-французский ультиматум.

29-30 сентября 1938 г. в Мюнхене, в отсутствие руководителей Чехословакии, Гитлер, Муссолини, Даладье и Чемберлен решили судьбу этого государства. По окончательным условиям Мюнхенского соглашения Чехословакия должна была уступить Германии пятую часть своей территории с населением около 4 млн человек, в пределах которой находилась одна из самых мощных в Европе оборонительных линий, была разорвана вся сеть железных и шоссейных дорог, телеграфной и телефонной связи. Чехословакия потеряла 66% добычи угля, 70 % выплавки чугуна и стали, 70% производства электроэнергии, 86% химической промышленности, мгновенно превратившись из богатой промышленной страны в аграрно-сырьевой придаток Германии.

Германия ликовала - Гитлер одержал бескровную и блистательную победу не только над Чехословакией, но и над Англией и Францией, присоединив за полгода Австрию и Судеты. В марте 1939 г. Гитлер оккупировал всю территорию Чехословакии, добавив 10 млн. человек и обширные территории, не потеряв при этом ни одного немца. Правящие круги Англии и Франции также были преисполнены оптимизма по поводу Мюнхенского соглашения, а общественность этих стран встречала Чемберлена и Даладье как героев, спасших Европу от новой мировой войны. В действительности же это была лишь менее чем годичная ее отсрочка, причем в настоящее время считается доказанным, что мировая война, начавшись 1 октября 1938 г. в Чехословакии, привела бы к быстрой победе коалиционных сил и поражению Германии.

Таким образом, действительная реальная возможность предотвращения того, что случилось в Европе в 1939-1945 гг., была упущена во время чехословацкого кризиса и, как показывают факты, - отнюдь не по вине Советского Союза.

Сговор в Мюнхене означал не только сохранение мира принесением в жертву Чехословакии, но и установление более тесных политических связей европейских великих держав при одновременной изоляции СССР. 30 сентября 1938 г. Чемберлен и Гитлер подписали англо-германскую декларацию о взаимном ненападении, а 6 декабря 1938 г. была подписана аналогичная декларация между Францией и Германией. СССР и Франция, был и связаны военным договором, тем не менее Даладье, не колеблясь, исключил Сталина из Мюнхенского процесса, унижив и его, и стоявшую за Сталиным великую державу, продемонстрировав истинную цену письменным соглашениям великой европейской страны с СССР. Последствия этого унижения, несомненно, лягут тенью на англо-франко-советские переговоры летом 1939 г.

4. Англо-франко-советские переговоры в Москве в мае-августе 1939 года

В мае 1939 года в Москве начались англо-франко-советские переговоры. Лондон и Париж были вынуждены пойти на них вследствие полного краха политики «умиротворения» нацистской Германии. Гитлер демонстративно нарушил Мюнхенское соглашение, оккупировав в марте 1939 года оставшуюся часть Чехословакии, показав своим западным партнерам, что он более не нуждается в чем либо согласии в реализации своих агрессивных планов в отношении соседних государств. Эйфория Лондона и Парижа от Мюнхена и возможность мирно договориться с Гитлером сменились осознанием растущей германской опасности для их восточно-европейских союзников – Польши и Румынии – что неизбежно побуждало к установлению с Советским Союзом более тесных отношений.

Не отказываясь от прежних расчетов на сепаратное соглашение с Германией, Великобритания и Франция прибегли к дипломатическим маневрам с целью припугнуть Гитлера возможным военно-политическим союзом с СССР.

Расплывчатые инициативы британского МИДа от 18 и 21 марта 1939 года были серьезно восприняты советской стороной, превратившись во вполне конкретные контрпредложения по обеспечению безопасности малых восточно-европейских государств. Поскольку Британия не собиралась связывать себя какими-либо конкретными обязательствами, она сочла за благо отказаться от собственных инициатив.

15 апреля Британия выступила с новой инициативой, предложив Советскому Союзу взять на себя одностороннее обязательство помощи восточно-европейским государствам в случае германской агрессии против них. Одновременно Франция заявила о готовности обменяться с СССР письмами, гарантирующими взаимную поддержку сторон в случае войны с Германией из-за Польши или Румынии. Через два дня советское руководство выдвинуло встречные предложения, в которых речь фактически шла о создании англо-франко-советского военно-политического союза – Новой Антанты:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3».

Новая Антанта могла стать серьезным препятствием на пути дальнейшей германской экспансии. Однако обязательства, которые вытекали из трехстороннего соглашения, в случае его подписания, судя по всему, испугали британских и французских политиков, не готовых идти так далеко. Для подготовки ответных предложений Франции потребовалось 8 дней, а Великобритании — 20. Они были уклончивыми, будущее соглашение обставлялось рядом условий. 27 мая 1939 г. политика умиротворения Н. Чемберлена подверглась резкой критике в палате общин, а также со стороны У. Черчилля, Л. Джорджа и А. Идена, после чего премьер-министр с явной неохотой поручил английскому послу в Москве дать согласие на ведение переговоров о взаим-

ной помощи, военной конвенции и предоставлении гарантий странам Восточной Европы.

Переговоры в Москве начались в конце мая, с советской стороны их вел председатель Совнаркома, с 3 мая совмещавший пост наркома иностранных дел, В. Молотов, с британской и французской — послы в Москве У. Сидс и Э. Наджияр. С самого начала московский переговорный процесс приобрел двусмысленный характер, так как обе стороны — и советская, и англо-французская — втайне друг от друга вели переговоры с Германией, причем англичане и французы рассматривали гипотетические договоренности с Германией как приоритетные и проявляли в этом вопросе большую активность.

Советское же руководство, чтобы сохранить свободу рук, предпочитало ждать инициативы от Германии. Берлин и в самом деле проявлял большую активность чем Москва и его действия были по своему логичны: Гитлер готовился к войне с Польшей и был готов на многие уступки с целью не допустить создания на Востоке объединенного фронта с участием Красной Армии. Для этого ему надо было, во что бы то ни стало, сорвать англо-франко-советские переговоры и нейтрализовать СССР.

В ходе переговоров каждый из участников предложил свой проект будущего соглашения, общий текст был согласован лишь к концу июля, и то в основном. Стороны не могли прийти к единой точке зрения на понятие «косвенная агрессия», предложенного делегацией СССР. В данном случае имелся в виду прецедент Чехословакии, оккупированной Германией без единого выстрела, и советское руководство опасалось подобного в отношении Литвы, Латвии и Эстонии. Руководство Великобритании было против предоставления этим странам гарантий безопасности, если бы германские войска вошли на их территорию с согласия местных правительств. Сами же Прибалтийские государства отказывались от предоставления им гарантий безопасности, отвергая их под предлогом вмешательства в их внутренние дела.

Хорошо понимая, что даже если удастся достичь политических договоренностей, то без военной конвенции они останутся декларацией, советское руководство 25 июля предложило провести в Москве переговоры военных делегаций. Согласие правительств Великобритании и Франции было получено.

С 12 по 21 августа в Москве проходили переговоры военных миссий трех стран. Британскую делегацию возглавил адъютант короля отставной адмирал Р. Дракс, французскую — член военного совета Франции генерал Ж. Думенк, делегации состояли из второстепенных лиц и не имели необходимых полномочий на подписание военного соглашения. Со стороны СССР переговоры вели высокие должностные лица — начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б. Шапошников, нарком военно-морского флота флагман флота 2-го ранга Н. Кузнецов, начальник военно-воздушных сил командарм 2-го ранга А. Лактионов и заместитель начальника Генштаба комкор И. Смородинов. Миссию возглавил нарком обороны Маршал Советского Союза К. Ворошилов. Делегация получила от Политбюро ЦК ВКП(б) полномочия на подписание с Великобританией и Францией полномасштабной военной конвенции, направленной против гитлеровской агрессии.

Инструкция народному комиссару обороны СССР Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции была разработана лично И. Сталиным и она гласила:

«7 августа 1939 г. Секретно

1. Секретность переговоров с согласия сторон.
2. Прежде всего выложить свои полномочия о ведении переговоров с англо-французской военной делегацией о подписании военной конвенции, а потом спросить руководителей английской и французской делегаций, есть ли у них также полномочия от своих правительств на подписание военной конвенции с СССР.

3. Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР.

4. Если они ответят, что они направлены для переговоров и для подготовки дела подписания военной конвенции, то спросить их, есть ли у них какой-либо план обороны будущих союзников, т.е. Франции, Англии, СССР и т.д. против агрессии со стороны блока агрессоров в Европе.

5. Если у них не окажется конкретного плана обороны против агрессии в тех или иных вариантах, что маловероятно, то спросить их, на базе каких вопросов, какого плана обороны думают англичане и французы вести переговоры с военной делегацией СССР.

6. Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.

7. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал.

На просьбы о показе французской и английской делегациям оборонных заводов, институтов, воинских частей и военно-учебных заведений сказать, что после посещения летчиком Линдбергом СССР в 1938 г. советское правительство запретило показ оборонных предприятий и воинских частей иностранцам, за исключением наших союзников, когда они появятся».

Текст инструкции свидетельствует о том, что Сталин был в достаточной степени информирован об истинных намерениях британской стороны, не собиравшейся в тех конкретно-исторических условиях связывать себя договором с Советской Россией, но в тоже время очевидно, что он готовил советскую делегацию и к тому, чтобы сыграть соответствующую роль в ходе переговоров, и к тому, чтобы в случае изменения позиции партнеров быть готовой к серьезному диалогу и подписанию военной конвенции.

Специальные инструкции британской делегации предписывали вести переговоры с единственной целью оказания давления на Гитлера, военные планы было рекомендовано обсуждать на чисто гипотетической основе, так как правительство Великобритании не собиралось «принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы нам связать руки при

любых обстоятельствах». Инструкция французской делегации обязывала добиться такого договора, «чтобы русские взяли на себя обязательства в случае войны ничего не предпринимать против Польши, Румынии, Турции и даже оказать им помощь, если наши союзники об этом попросят, и обезопасить, когда они обратятся с просьбой, их коммуникации и усилить их авиацию. Большого с русских не спрашивать». Согласованная позиция Лондона и Парижа перед началом военных переговоров в Москве была сформулирована следующим образом: «Вовлечь Россию в действия на второстепенных направлениях».

Тексты инструкций британской и французской делегаций, а так же их согласованная позиция перед началом переговоров совершенно отчетливо свидетельствуют о том, что Лондон и Париж не собирались завершить переговоры в Москве подписанием реального военного союза против Германии. Они все еще питали иллюзии договориться с Гитлером за счет интересов других стран, очевидно, что они опасались возможной советизации Польши и Румынии в случае развертывания Красной Армией боевых действий на их территории, так же очевидно, что они переоценивали военные возможности Польши и Румынии и крайне низко оценивали военный потенциал СССР.

С самого начала переговорный процесс шел в духе исполнения инструкции британской делегации, в силу чего по инициативе западных партнеров заседания длились не более четырех часов в день, на обсуждение выносились ни к чему не обязывающие «общие цели» и «общие принципы» военного сотрудничества. Непреодолимым препятствием для переговорщиков оказался вопрос о пропуске частей Красной Армии через территории Польши и Румынии для вступления в боевое соприкосновение с армией Германии, который был поднят главой советской делегации Ворошиловым и получил название «кардинального вопроса». Необходимо отметить, что у военно-политического руководства Британии и Франции существовало осознание этого важного обстоятельства. Так, британские военные в докладе кабинету министров подчеркивали, что «в случае необходимости должно быть оказано сильнейшее давление на Польшу и Румынию, с тем, чтобы они заранее дали согласие на использование русскими силами территории в случае нападения Германии».

Генерал Думенк и посол Наджияр так же считали, что предложение СССР «соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши... Нам предлагают точно определенную помощь на Востоке и не выдвигают каких либо дополнительных требований о помощи с Запада. Но советская делегация предупреждает, что Польша своей негативной позицией делает невозможным создание фронта сопротивления с участием русских сил». 20 августа Наджияр послал в Париж телеграмму с тревожным предупреждением: если Польша не изменит позицию, провал переговоров станет неизбежным.

В последующие дни французское руководство обеспокоенное ходом московских переговоров, организовало дипломатический нажим на правительство Польши, пытаясь убедить его в необходимости принять помощь СССР. Польское политическое и особенно военное руководство было категорически против, исходя из преувеличенных возможностей своей армии. Но самое трагическое заключалось в том, что эту позицию разделяли французские генералы Гамелен и Мус, участвовавшие в переговорах с поляками в августе 1939 года. По мнению американского историка У.Ширера, если бы французские генералы были бы более прозорливы, большого значения это бы не имело: "Поляки в августе 1939 года, также как и их предшественники на протяжении многих поколений, упорно отказывались видеть то, что наилучшим образом отвечало их интересам, и, так же как неоднократно было в их трагическом прошлом, казалось, задались целью накликасть на себя собственную гибель". 19 августа министр иностранных дел Польши Бек дал окончательный ответ: "Я не согласен, что могут быть вообще какие-то переговоры относительно использования части нашей территории иностранными войсками. У нас нет военного соглашения с СССР, и мы не хотим его."

Последним аргументом, способным образумить поляков, мог быть отказ от гарантий безопасности Польши. Однако ни Чемберлен, ни Даладьё на это не решились. 21 августа, в день, когда между Гитлером и Сталиным была достигнута окончательная договоренность о заключении советско-германского пакта о ненападении, состоялась очередная, теперь уже бессмысленная встреча английской, французской и советской делегаций.

На этой встрече Ворошилов вновь заявил о том, что предполагаемое соглашение может быть действенным лишь при условии согласия Польши и Румынии предоставить специальные коридоры для советских войск. Он напомнил, что в 1914-1918 гг. английская и американская армии вели боевые операции против Германии с территории Франции и это воспринималось в порядке вещей. По сути дела, Советский Союз приглашали принять участие в боевых действиях против Германии, отказывая временно в предоставлении территории для их ведения. Ворошилов подчеркнул, что "есть все основания сомневаться в стремлении руководства Англии и Франции к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР, ответственность за это падает на французскую и английскую стороны."

Обстановка на переговорах и вокруг них 21 августа была накалена до предела. Мучимый дурными предчувствиями, к вечеру того дня Даладье наконец-то, видимо, смирился с возможностью советской оккупации Польши и Румынии и разрешил генералу Думенку подписать военную конвенцию. Вечером следующего дня Думенк был принят Ворошиловым и сообщил о принятом решении французского правительства. Накануне визита министра иностранных дел Германии Риббентропа в Москву данное известие уже не имело никакого значения. Сославшись на отсутствие аналогичных известий от английского и польского правительств, Ворошилов подчеркнул, что без них всякая конвенция не имеет смысла. "Французская и английская сторона, - сказал Ворошилов, - слишком долго тянули и политические, и военные переговоры, боюсь, что в ближайшее время могут произойти какие-нибудь политические события." В тот же день Молотов известил послов Англии и Франции в СССР о том, что СССР и Германия согласились подписать пакт о ненападении и что Советский Союз решил на этот шаг, убедившись в нежелании англичан и французов подписать военную конвенцию с СССР.

5. Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года

23 августа 1939 г. СССР и Германия подписали Пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему о разграничении сфер влияния в Восточной Европе. Сталин, и Гитлер высоко оценивали значение достигнутых договоренностей, каждый считал себя победителем своеобразной дипломатической дуэли, продолжавшейся с осени 1938 года по август 1939 года. «Кажется, нам удалось провести их», - сдержанно сказал Сталин, а Гитлер в своей обычной манере истерично кричал: «Теперь весь мир у меня в кармане!». И действительно, дальнейшее развитие событий (до 22 июня 1941 г.) только подтверждало правоту обоих. В соответствии с обтекаемыми формулировками секретного дополнительного протокола, используя где дипломатию, а где военную силу, СССР и Германия разделили между собой континентальную Европу, в короткий исторический срок вернули себе статус мировых держав.

Параллельно обе страны готовились к неминуемой схватке друг с другом, планируя наступательную войну в удобный для себя момент. Для Гитлера это оказалось 22 июня 1941 года, что касается Сталина, то дату нападения на Германию он, похоже, определить не успел.

Как же случилось, что непримиримые идеологические противники на время стали партнерами в мировой политике?

Мюнхенское соглашение стало рубежным событием и для Гитлера, и для Сталина. Мюнхен настолько усилил позиции Германии, что Гитлер ставит ближайшей целью для своей страны достижение гегемонии в Европе. Тот же Мюнхен в очередной раз продемонстрировал Сталину истинную цену договоренностям с западными демократиями, в данном случае с Францией, поставил под сомнение реализацию идеи коллективной безопасности. Новая ситуация, в которой оказались Германия и СССР, требовала поиска новых партнеров. Доподлинно известно, что исходя из поставленной цели подчинения себе первоначально Западной Европы, германское руководство с осени 1938 года стало осторожно решать проблему нормализации отношений с СССР. Первая инициатива в очередном германо-советском сближении принадлежит

послу Германии в СССР Ф. фон Шуленбургу, который в октябре 1938 года пришел к выводу о необходимости использовать изоляцию Советского Союза в германских интересах и заключить с СССР всеобъемлющее соглашение. Следствием инициативы послы стала неофициальная германо-советская договоренность о снижении накала взаимных оскорблений в печати.

Инициатива Шуленбурга была поддержана заведующим восточно-европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии К. Шнурре. Именно он 1 декабря 1938 года после ряда совещаний со своими коллегами формулирует ближайшую задачу на пути сближения с СССР – во время очередного продления германо-советского торгового договора предложить Советскому Союзу многомиллионный кредит для закупки германского оборудования.

По мысли Шнурре кредит, будучи экономически выгодным для обеих сторон, к тому же мог бы стать платой за невмешательство СССР в ход дальнейшей германской экспансии. При продлении договора 16 декабря Шнурре сообщил советской стороне о готовности Германии предоставить кредит в 200 млн марок в обмен на расширение советского экспорта сырья. Предложение было принято и на 30 января 1939 года была намечена поездка небольшой делегации во главе со Шнурре в Москву для ведения переговоров о выделении кредита.

В начавшийся германо-советский переговорный процесс решил вмешаться Гитлер, видимо с целью подтверждения серьезности германских намерений. На новогоднем приеме глав дипломатических миссий 12 января 1939 г. Гитлер неожиданно для всех подошел к советскому послу в Берлине А. Мерекалову, «спросил о житье в Берлине, о семье, о поездке в Москву...», пожелал успеха и попрощался». Это событие стало сенсацией в дипломатических кругах и Гитлер пошел на это, рассчитывая на адекватную реакцию Сталина. Однако ответных выражений симпатии с советской стороны не последовало и тогда министр иностранных дел И. фон Риббентроп запретил визит Шнурре в Москву, переговоры были сорваны, что на некоторое время убедило Сталина в несерьезности экономических предложений германского руководства.

Наметившееся в конце 1938 – начале 1939 гг. германо-советский диалог был прерван в связи агрессивными действиями

Германии в Чехии и Литве. Оккупация Германией Чехии и создание на ее территории Протектората Богемия и Моравия 15 марта вызвали официальный протест со стороны СССР. Аналогичной была советская реакция и на отторжение Германией у Литвы Мемельской (Клайпедской) области 21-23 марта 1939 года.

17 апреля советско-германский переговорный процесс возобновился. Именно в этот день посол Мерекалов, выполняя поручение своего руководства, посетил статс-секретаря германского МИД и (первого заместителя Риббентропа) Э. Вайцзеккера с демаршем по поводу советских военных заказов, размещенных на чешских завода «Шкода» и проплаченных советской стороной – заводы после оккупации Чехии Германией стали немецкими и будет ли германская сторона выполнять принятые чехами обязательства? Отвечая на поставленный вопрос, Вайцзеккер отметил отсутствие нормальных политических отношений для решения данной проблемы. В ходе дальнейшего откровенного разговора двух дипломатов, не нашедшего места в их письменных отчетах, оба высказались за нормализацию отношений СССР и Германии.

В это время Сталин еще не поощрял советско-германские контакты, напротив он дал наркому иностранных дел М. Литвинову последний шанс реанимировать политику «коллективной безопасности», однако попытка Литвинова оказалась неудачной и его судьба как наркома была решена. 3 мая В. Молотов совместил посты председателя Совнаркома и наркома иностранных дел. Принимая это решение, Сталин исходил из того, что Молотов и так все больше занимается проблемами обороны и внешнеполитической стратегии. Замена Литвинова на Молотова была выбором Сталина в пользу большей свободы рук в маневрировании между «Антантой» и Германией.

Германский поверенный в делах В. Типпельскирх, докладывая о смещении Литвинова и назначении Молотова, специально подчеркнул, что Молотов – не еврей. Значит, ему будет проще договориться не с Западом, а именно с Германией. После отставки Литвинова Гитлер впервые за шесть лет своего правления изъявил желание выслушать своих экспертов по России. Из их доклада Гитлер узнал много для себя нового, в частности – что СССР придерживается сейчас не политики мировой революции, а более прагматичного державного курса.

Интерес Гитлера к России усиливался. Посмотрев документальный фильм о советских военных парадах, фюрер воскликнул: «Я совершенно не знал, что Сталин – такая симпатичная и сильная личность». Немецким дипломатам была дана команда и дальше зондировать возможности сближения с СССР. Но в Москве отклик на немецкие зондажи был холодным. 20 мая Молотов сказал Шуленбургу, что для сближения двух стран отсутствует политическая основа.

Гитлер признал в мае 1939 г., что экономические проблемы «80-миллионной массы» немецкого народа нельзя решить «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества». 23 мая на совещании военные заявили Гитлеру, что в случае одновременной войны с Великобританией, Францией и СССР Германия проиграет. 26 мая Шуленбург получил указание активизировать контакты с Молотовым. Под германским нажимом экономические переговоры возобновились 8 июня, но вскоре зашли в тупик, так как Германия была не в состоянии удовлетворить потребности СССР в товарах в обмен на сырье. В ходе переговоров советская сторона вновь подняла вопрос о «политической базе», ожидая конкретных предложений от партнеров, но Берлин не спешил. 26 июня советская сторона узнала о так называемом «плане Шуленбурга» - проекте указаний послу в Москве Шуленбургу, подготовленному в МИД Германии. Для того, чтобы сорвать англо-франко-советские переговоры, а также соблазнить Сталина перспективой союза с Германией, Шуленбургу предписывалось принять меры для поэтапного улучшения германо-советских отношений. Шуленбург должен был убедить Молотова в отсутствии у Германии «агрессивных намерений» в отношении СССР и в готовности обсудить не только экономические вопросы, но и «возвращение к нормальным политическим отношениям». В документе подчеркивалась исключительная антибританская направленность Сталинского пакта, а Англия характеризовалась как страна, которая придерживается «своей традиционной политики предоставить другим державам таскать для нее каштаны из огня». Документ предполагал германское содействие нормализации советско-японских отношений, заключение пакта о ненападении или гарантии прибалтийским странам и подписание торгового соглашения.

28 июня Шуленбург упомянул в разговоре с Молотовым, что сближение между странами одобряет сам Гитлер. Молотов ска-

зал Шуленбургу, что похоже на то, будто Германия ведет с СССР политическую игру под предлогом хозяйственных переговоров. В Кремле помнили провал январской миссии Шнурре. Теперь руководители СССР требовали — экономические выгоды вперед. Молотов рассказывал об этой встрече: «У меня был недавно Шуленбург и тоже говорил о желательности улучшения отношений. Но ничего конкретного или внятного не захотел предложить». Немцы боялись делать решительные шаги. Гитлер, по словам Вайцзеккера, «опасался, что из Москвы под громкий смех последует отказ». Он был раздосадован, и 29 июня решил, что такая игра на советских условиях ему не нужна: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимости от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений в том их виде, как они были сформулированы в январе. Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией». «Сближение» кончилось, не начавшись.

В июле в германо-советском переговорном процессе начался очередной раунд. 1 июля последовал намек из Москвы о том, что «ничто не мешает Германии доказать серьезность своего стремления улучшить свои отношения с СССР». 3 июля германская сторона предложила советской договориться о будущих судьбах Польши и Литвы. 10 июля германская сторона объявила в Москве о продолжении экономических переговоров на советских условиях, после чего СССР пошел на определенные уступки и переговоры возобновились в Берлине. Активно занималась германская сторона и проблемой «политической базы» в германо-советском переговорном процессе. 24 июля Германия предложила учесть советские интересы в Прибалтике и Румынии. 26 июля – во всей Восточной Европе. 29 июля советская сторона пожелала подробнее познакомиться с предложением Германии и в Берлине решили увеличить ставки, думая о разделе Польши и Прибалтики. 10 августа советское руководство было проинформировано о том, что германские интересы распространяются на Западную Польшу, Литву и Румынию без Бессарабии, но в случае подписания договора с Берлином Москва должна будет отказаться от договоренностей с Англией и Францией.

Решающим днем на пути подписания советско-германского пакта стало 14 августа. Риббентроп направил Шуленбургу в Москву длинное послание для советского руководства. Кроме привычных слов о налаживании экономического и политического сотрудничества, там содержалось предложение о визите Риббентропа в Москву с целью обсуждения вопросов «на всем протяжении от Балтийского до Черного моря», включая «прибалтийские государства, Польшу, юго-восточные вопросы». Германия фактически высказала предложение Советскому Союзу разделить Восточную Европу, и Гитлер был убежден, что Сталин его примет. Не случайно в тот же день 14 августа Гитлер провел совещание высших военачальников по предстоящей польской кампании.

На следующий день 15 августа Шуленбург ознакомил В.Молотова с германским посланием. Спокойно выслушав германского посла, Молотов высказал следующие соображения: визит Риббентропа требует серьезной подготовки и должен завершиться подписанием конкретного соглашения; необходимо подумать о заключении договора о ненападении; СССР рассчитывает на помощь Германии в разрешении советско-японских противоречий. Весьма примечательно, что Сталин и Молотов преднамеренно уведомили англичан о своих планах заключения соглашения с Германией, желая тем самым оказать давление на Англию и побудить ее действовать более решительно на переговорах в Москве. Их попытки оказались безуспешными. Последующие шесть дней августа (16-21) оказались решающими не только в судьбах Германии и СССР, но и всего мира. Находясь в цейтноте в связи с предстоящей войной против Польши, Гитлер явно спешил, стремясь подписать пакт с СССР и тем самым предотвратить вступление Советского Союза в войну на стороне поляков.

Советскому руководству были, несомненно, понятны причины германской торопливости. В этих условиях Сталин и Молотов вели игру, целью которой было выторговать у Гитлера как можно больше уступок. 19 августа было подписано советско-германское торговое соглашение. Риббентроп предлагает «немедленно отправиться в Москву» с полномочиями решить весь комплекс политических проблем. Ему, однако, предложено приехать лишь 26-27 августа. Для Гитлера это было слишком поздно, так как наступало время отдать приказ о развертывании вооруженных

сил против Польши. График вторжения в Польшу, как и сама возможность наступления до осеней распутицы, оказывались под вопросом. В этих условиях Гитлер решился лично обратиться к Сталину с просьбой срочно принять Риббентропа в Москве. 20 августа Сталину вручили телеграмму следующего содержания:

«Г-ну Сталину, Москва.

Я искренно приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первый шаг в перестройке германо-советских отношений.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение курса германской политики на длительное время. Германия тем самым возобновляет политический курс, который приносил выгоду обоим государствам в течение минувших столетий...

Я согласен с проектом пакта о ненападении, переданным Вашим министром иностранных дел г-ном Молотовым, но считаю настоятельно необходимым уточнить связанные с ним вопросы как можно скорее.

Содержание дополнительного протокола, которого хочет Советский Союз, может быть, я убежден, уточнено в возможно кратчайший срок, если ответственный германский государственный деятель сможет лично прибыть в Москву для переговоров, иначе Правительству Рейха неясно, как можно быстро уточнить и согласовать дополнительный протокол.

Напряженность в отношениях между Германией и Польшей стала невыносимой... Кризис может разразиться в любой день. Германия преисполнена решимости с этого момента и впредь отстаивать интересы Рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

По моему мнению, ввиду намерения двух наших государств вступить в новые отношения друг с другом желательно не терять время. Поэтому я еще раз предлагаю вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее, в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении, а также протокола. Более длительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем

один или, самое большее два дня невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Вечером 21 августа Гитлер наконец получил долгожданный ответ из Москвы.

«Рейхсканцлеру Германии господину А.Гитлеру.

Благодарю за письмо. Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И.Сталин».

22 августа Риббентроп вылетел из Берлина и, переночевав в Кенигсберге, в полдень 23 августа прибыл в Москву. Он имел письменные полномочия заключить договор о ненападении и «другие соглашения» с СССР. В тот день он дважды встречался с Молотовым и Сталиным, но уже в ходе первой трехчасовой беседы удалось согласовать текст договора о ненападении. Советские лидеры настаивали также на подписании «секретного протокола о разграничении сфер интересов во всем Восточном районе».

Пакт о ненападении был подписан вечером 23 августа на второй встрече в Кремле. Он исходил из советско-германского договора 1926 года и устанавливал следующее:

«1) Обе Договаривающиеся стороны обязуются воздержаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

2) В случае, если одна из Договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3) Ни одна из Договаривающихся сторон не будет участвовать в каких-либо группировках держав, которые прямо или косвенно направлены против другой стороны.

4) Споры и конфликты между Договаривающимися сторонами должны разрешаться только мирным путем».

Договор заключался на 10 лет и подлежал ратификации.

Одновременно с советско-германским пактом о ненападении В.Молотов и И.Риббентроп 23 августа 1939 года подписали «Секретный дополнительный протокол». Этот документ был обнаружен в архивах министерства иностранных дел фашистской Германии после ее капитуляции, захвачен американцами в числе трофейных документов и опубликован в 1948 году Государственным департаментом США.

В протоколе указывалось: «При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1) В случае территориального политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами

2) В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3) Касательно Юго-Востока Европы, с советской стороны подчеркивается интерес СССР в Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях. 4) Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Подписание пакта о ненападении с Германией означало серьезный поворот в советской внешней политике. Суть этих изменений Сталин изложил в конфиденциальной беседе с Г.Димитровым 7 ноября 1939 года после нападения Германии на Польшу и вступления в войну Англии и Франции. Сталин сказал, что война идет между двумя группами капиталистических государств (между богатыми и бедными за колонии и рынки сырья), за передел мира, за господство над миром. Мы не прочь, отметил Сталин, чтобы они хорошенько подрались и ослабили друг друга. Упомянув англо-франко-советские переговоры, Сталин заметил, что СССР предпочитал соглашения с демократическими странами против Гитлера, но «англичане и французы хотели иметь нас в батраках и притом за это ничего не платить, на что мы пойти не могли». Сталин высказался за ликвидацию Польши как фашистского государства, угнетающего белорусов и украинцев, и предложил отказаться от установки VII конгресса Коминтерна о фашизме как главном источнике агрессии. По его мнению, во время войны деление капиталистических стран на фашистские и демократические стало неправомерным и поэтому необходимо прекратить открытое разоблачение фашизма и направить основной удар в пропаганде против империализма вообще, не делая различия между фашистскими и демократическими режимами.

Подписание Пакта является одной из ключевых тем современной историографии. Недоступность исследователям важнейших документов Кремля накануне подписания пакта, политические и идеологические пристрастия породили множество, иногда диаметрально противоположных версий оценки советско-германских договоренностей. Что касается нас, то мы разделяем точку зрения известного отечественного историка М.И. Мельтюхова о том, что Кремлю удалось использовать европейский кризис в своих интересах и что советско-германский пакт о ненападении можно расценивать как значительную удачу советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую дипломатию и достичь своей основной цели – остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах.

6. Реализация Советским Союзом статей секретного протокола

Подписание В. Молотовым «Секретного дополнительного протокола» к Пакту о ненападении от 23 августа 1939 года вовсе не означало, что Советский Союз тем самым связал себя какими-либо конкретными обязательствами. Протокол носил рамочный характер, и у советского руководства всегда оставалась свобода для политического маневрирования.

6.1. Присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии

Советское руководство дистанцировалось от событий, связанных с нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Гитлер собирался «разобраться» с поляками «один на один», полагая, что Великобритания и Франция как всегда ограничатся письменными протестами и поэтому он не предлагал советским лидерам согласованных совместных действий против Польши. Однако сразу после вступления Великобритании и Франции в войну на стороне поляков началось германское давление на СССР с целью вовлечения в военные действия против Польши. Советское руководство под различными предлогами старалось это оттянуть, однако 15 сентября посол Германии в Москве Шуленбург довел до сведения советского руководства полученную из Берлина информацию о том, что в предполагаемой сфере советского влияния на территории Польши «без вмешательства советского правительства могут быть сформированы новые государства». Советское руководство поняло намек и в тот же день приняло соответствующее решение. 17 сентября во втором часу ночи Шуленбург был приглашен в Кремль, где Сталин, Молотов и Ворошилов предложили ему ознакомиться с советской нотой правительству Польши и сообщили, что в 6 утра Красная армия перейдет польскую границу. Сталин умышленно поставил руководство Германии в положение жесткого цейтнота, чтобы избежать дискуссии относительно официально объявленных причин ввода войск в Польшу. Эти причины были изложены

в заявлении советского правительства, переданном послу Польши в Москве В. Гжибовскому. Заместитель Наркома иностранных дел СССР В. Потемкин сообщил ему, что «польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это означает, что польское государство и правительство фактически прекратили существование. Тем самым прекратили действие договоры, которые были заключены между СССР и Польшей», после этого он объявил о решении советского правительства «взять под защиту» единокровное украинское и белорусское население.

Копия советской ноты на имя Гжибовского была передана всем правительствам, с которыми в то время Советский Союз поддерживал дипломатические отношения. На следующий день в советских газетах были опубликованы стандартные тексты нот от 17 сентября послам и посланникам указанных государств, в которых провозглашался нейтралитет в отношениях между СССР и каждой названной страной. Советский Союз формально не объявлял войну Польше и советское руководство твердо настаивало, что мотивы ввода войск в Польшу 17 сентября 1939 года носили не венный, а гуманитарный характер. Позднее правительство Польши в эмиграции не расценивало свои отношения с Советским Союзом как состояние войны. Подобную же оценку действиям советской стороны в отношении Польши в сентябре 1939 года давали Великобритания, Франция и США.

Советское руководство в сентябре 1939 года делало все возможное, чтобы отмежеваться от германской агрессии в Польше. В приказах руководства Красной армии акцент делался на защите местного населения от жандармов и завоевателей, на защите имущества граждан, на лояльном отношении к польским военнослужащим в том случае, если они не оказывали сопротивления. Военно-воздушным силам было запрещено бомбить польские города. Так в одном из приказов говорилось: «Мы идем в Западную Украину не как завоеватели, а как освободители наших украинских и белорусских братьев. Мы освободим белорусов и украинцев раз и навсегда от всякого гнета и эксплуатации, от власти помещиков и капиталистов».

Пропагандистские мероприятия военно-политического руководства СССР во время польской кампании оказались эффективными. Польская армия оказала незначительное сопротив-

ление, а население встречало части Красной армии отнюдь не враждебно. Официально признанные потери Красной армии составили 737 убитыми и 1862 ранеными, по другим пессимистическим подсчетам они равнялись 1139 убитыми и 2383 ранеными. Имея в виду, что на 17 сентября 1939 года в польской армии насчитывалось 650 тысяч военнослужащих и примерно половина из них оказалась в восточной части страны, а 230 тысяч предпочли сдаться в плен Красной армии, потери могли быть существенно выше. Следует вывод, что население Польши и ее армия в сентябре 1939 года лучше относились к СССР, чем к Германии.

Реакция руководства Польши на ввод Красной армии 17 сентября 1939 года была предсказуемо негативной. Первым свой протест выразил посол в Москве Гжибовский. Он заявил Потемкину, что польское правительство якобы нормально руководит страной и что мотивы ввода войск ничем не обоснованы. В тот же день, 17 сентября, правительство Польши на кануне бегства в Румынию выразило протест в ответ на действия Москвы: «Польское правительство протестует против изложенных в ноте мотивов советского правительства, поскольку польское правительство исполняет свои нормальные обязанности, а польская армия успешно дает отпор врагу». Содержание ноты польского правительства не соответствовало действительности, поскольку оно не контролировало ситуацию в стране, а армия прекратила организованное сопротивление.

В результате ввода войск в Польшу в сентябре 1939 года к СССР были присоединены 190 тысяч квадратных километров с населением 13 млн человек, в основном белорусов и украинцев. 22 сентября 1939 г. между германской и советской армиями на территории Польши была установлена демаркационная линия, проходившая по реке Нарев до ее впадения в Буг, далее по Бугу до впадения в Вислу, по Висле до ее впадения в Сан и далее до истоков реки Сан. 28 сентября между СССР и Германией был подписан договор о дружбе и границе, где была окончательно установлена советско-германская «граница обоюдных государственных интересов».

6.2. Включение в состав СССР Литвы, Латвии и Эстонии

В ходе начавшейся Второй мировой войны балтийские страны объявили о своем нейтралитете, однако строго соблюдать его они не смогли. Из терпящей поражение Польши в сентябре 1939 года в Прибалтику устремился поток гражданских беженцев и остатков польской армии. В Литве были интернированы 13500 польских военнослужащих, в Латвии 2000, в Эстонии нашла убежище польская подводная лодка. Эпизод с подводной лодкой был использован советским руководством для обвинения правительства Эстонии в нарушении нейтралитета. СССР потребовал заключить пакт о взаимопомощи и о создании советских военных баз на территории Эстонии, угрожая в случае отказа применить силу. Правительство Эстонии приняло советские условия и 28 сентября 1939 года между СССР и Эстонией был подписан Пакт о взаимопомощи, аналогичные договоры были заключены между СССР и Латвией – 5 октября, СССР и Литвой – 10 октября 1939 года. Участники договоров обязывались воздерживаться от вхождения в коалиции, направленные друг против друга, и оказывать помощь в случае нападения. Советский Союз должен был продать Балтийским странам оружие, а те обязывались сдать в аренду военные базы, на которые вскоре прибыли 25 тысяч красноармейцев в Эстонию, 30 тысяч в Латвию и 20 тысяч в Литву. Согласно заключенным договорам СССР обязывался не вмешиваться во внутренние дела Балтийских стран, кроме того Литве был передан Вильнюсский край (6656 кв.км.), отторгнутый у Польши. Ввод советских войск в Балтийские страны происходил в мирной обстановке, части Красной армии были размещены на закрытых военных базах, их общение с местными жителями было ограничено. Подписанные Советским Союзом и Балтийскими странами договоры о базах не вызвали прямых внутривластных изменений, однако сам факт нахождения частей Красной армии на их территории вызвал всплеск левых настроений, результатом которых стала смена правительств в Литве и Эстонии.

В июне 1940 года все взоры были обращены к Западной Европе, где Германия завершала оккупацию Франции. Одновременно ухудшились отношения СССР с Балтийскими странами. Советская сторона обвиняла руководство Балтийских стран в нарушении подписанных договоров, а правительство Литвы обвинялось еще и в том, что с баз были похищены советские военнослужащие. 14 июня советское правительство в ультимативной форме потребовало смены правительства Литвы, отдачи под суд министра внутренних дел и главы департамента безопасности, а так же разрешения для масштабного ввода советских войск. В тот же день войска на базах были приведены в боевую готовность, ВМС СССР блокировали порты. Вооруженное сопротивление со стороны Литвы было бессмысленно и правительство большинством голосов приняло ультиматум. 15 июня около 300 тысяч красноармейцев перешли границу Литвы и заняли всю территорию страны. 16 июня аналогичные ультиматумы были объявлены Эстонии и Латвии, здесь все происходило так же как и в Литве, и к вечеру 17 июня территории Балтийских стран были заняты советскими войсками.

Советским руководством были назначены специальные представители в каждую из Балтийских стран, в Литву - заместитель наркома иностранных дел В.Деканозов, в Латвию – генеральный прокурор СССР А. Вышинский, в Эстонию – лидер ленинградских коммунистов А. Жданов. Главной задачей для них было формирование новых правительств, при этом во главе планировалось поставить известных общественных деятелей, не связанных с предыдущей властью. Вновь созданные народные правительства Балтийских стран обещали обеспечить политические права, повысить жизненный уровень, развивать национальную культуру и установить мирные отношения со всеми странами.

В начале июля 1940 года новые правительства Балтийских стран объявили о проведении парламентских выборов 14-15 июля, в ходе которых за народных кандидатов в Литве проголосовало 99,2%, в Латвии 97,6%, в Эстонии 92,9% избирателей. В ходе состоявшихся в последующие дни митингов левые силы Балтийских стран потребовали присоединения Литвы, Латвии, Эстонии к Советскому Союзу. 21 июля 1940 года вновь избран-

ные парламенты объявили Литву, Латвию, Эстонию Советскими социалистическими республиками и попросили принять их в состав СССР. В начале августа Верховный Совет СССР включил Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР в состав Советского Союза.

6.3. Война с Финляндией

Советско-финская война (30 ноября 1939 г. - 13 марта 1940 г.) явилась также прямым следствием секретного дополнительного протокола германо-советского пакта от 23 августа 1939 г., согласно которому Финляндия входила в сферу влияния СССР. Заручившись поддержкой Германии, советские руководители решили улучшить военно-стратегическое положение Ленинграда и Мурманска за счет Финляндии. 12 октября в Москве начались советско-финские переговоры. СССР потребовал заключить пакт о ненападении, отодвинуть границу на Карельском перешейке от Ленинграда примерно на 70 километров, ликвидировав все приграничные укрепления, передать Советскому Союзу в аренду имевший ключевое значение для обороны Ленинграда полуостров Ханко и уступить все прилегающие острова, передать финскую половину полуострова Рыбачьего на севере. В порядке компенсации СССР предлагал территорию в Карелии, большую по площади в два раза. Поясняя эти ультимативные по своей сути требования, Сталин подчеркивал, что они продиктованы международной обстановкой, порожденной войной в Европе. Признав, что эти требования не понравятся финской стороне, Сталин акцентировал внимание на особом статусе Ленинграда, его опасной близости к границе (32 км). "Мы ничего не можем поделать с географией, так же как и вы. Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подальше границу".

Требования СССР носили разумный характер, не случайно два влиятельных и дальновидных финских руководителя - Паасикиви и Маннергейм - призывали уступить Советскому Союзу. Их, однако, не поддерживали в силу сложившейся в правительстве Финляндии враждебности и недоверия к СССР, поэтому требования советской делегации были отклонены. Правительство

не верило в возможность нападения Советского Союза на Финляндию и надеялось на помощь западных стран, хотя Германия - давний партнер Финляндии - призывала принять советские предложения. Жесткая, неуступчивая позиция финской стороны вынудила Молотова во время переговоров задать исторический вопрос: "Вы что, намерены спровоцировать конфликт?" Весьма примечательно, что Сталин и Молотов достаточно гибко вели переговоры и изъявили готовность идти на уступки, предлагали различные компромиссные варианты. Ввиду жесткой позиции финской стороны переговоры были прерваны, и 13 ноября финская делегация отбыла в Хельсинки.

Как явствует из документов, Сталин действительно хотел добиться удовлетворения своих требований мирным путем, войны с Финляндией первоначально он не планировал. Слишком очевидна и велика была разность военно-экономических потенциалов двух стран. Неудача на переговорах вынудила его сначала прибегнуть к тактике угрозы нападения, а когда "игра мускулами" не произвела на финнов должного впечатления, был отдан приказ о начале военных действий. Они начались 30 ноября на суше, на море и в воздухе. 1 декабря в Ленинграде было объявлено о создании марионеточного народного правительства из финских коммунистов во главе с Куусиненом. 2 декабря это правительство подписало договор с СССР на условиях советской стороны.

В ходе боевых действий немногочисленная финская армия оказала упорное сопротивление. Планировавшегося быстрого ее разгрома, захвата Хельсинки и насаждения в Финляндии дружественного Советскому Союзу режима явно не получалось. Лишь ценой значительных потерь в феврале 1940 года Красная армия преодолела оборонительные сооружения финнов, поставив их на грань военной катастрофы. Путь на Хельсинки был открыт. Тем не менее, советское руководство, опасаясь международных осложнений (вмешательство Англии и Франции на стороне Финляндии), согласилось на мирные предложения финской стороны.

Согласно Московскому мирному договору от 13 марта 1940 г. Финляндия уступила Советскому Союзу весь Карельский перешеек, западное и северное побережье Ладожского озера,

часть полуострова Рыбачьего с прилегающими территориями, сдавала на 30 лет в аренду полуостров Ханко с близлежащими островами под военно-морскую базу, разрешала построить на своей территории железную дорогу от Белого до Балтийского моря. СССР отказался от требования заключить пакт о ненападении и демилитаризировал область Петсамо. Советские требования своей целью действительно ставили улучшение стратегического положения Ленинграда и Мурманска, что самым положительным образом сказалось в ходе Великой Отечественной войны. Вариант с правительством Куусинена был для Сталина запасным. В тот момент укрепление стратегического и внешнеполитического положения СССР было для Сталина важнее создания в Финляндии марионеточного просоветского режима.

6.4. Присоединение к СССР Бессарабии и Северной Буковины

В пункте 3 секретного дополнительного протокола отмечается интерес Советского Союза к Бессарабии. Бессарабский вопрос в отношении с Румынией возник в 1918 году, когда Румыния в условиях развала Российской Империи аннексировала Бессарабию. СССР никогда не признавал эту акцию, более того, Румынии не удалось добиться признания присоединения Бессарабии и со стороны великих держав. СССР неоднократно настаивал на возвращении Бессарабии, а при восстановлении дипломатических отношений с Румынией оговорил, что не признает Бессарабию частью Румынии.

29 марта 1940 года В. Молотов, выступая на сессии Верховного совета СССР, подчеркнул, что Советский Союз никогда не признавал захвата Румынией Бессарабии, но и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, в условиях начавшейся Второй мировой войны советское руководство не исключало и военного решения проблемы. Конкретные советские военные приготовления к возвращению Бессарабии начались 9 июня 1940 года, когда Военные советы Киевского и Одесского

военных округов получили директивы наркома обороны о сосредоточении войск на границе с Румынией и о подготовке военной операции по возвращению Бессарабии. Согласно директивы войска должны были закончить сосредоточение на границе 24 июня, однако возникли трудности и сосредоточение было завершено только 27 июня. В состав группировки были включены 32 стрелковые, 2 мотострелковые, 6 кавалерийских дивизий, 11 танковых и 3 воздушно-десантные бригады. Общая численность группировки составляла 460 тыс. человек, 12 тыс. орудий и минометов, 3 тыс. танков и 2 тыс. самолетов.

Для проведения политической разъяснительной работы в войсках политуправлением Красной армии была подготовлена соответствующая директива: «в 1918 году, воспользовавшись гражданской войной в СССР и интервенцией англо-французских империалистов Румыния воровски захватила у нас Бессарабию. Наши братья живут в Бессарабии в ужасающей нищете и влчат жалкое существование... Там проживает не более 9,1% румын. Все остальное население – русские, украинцы и молдаване. Русским, украинцем и молдаванам под страхом суда запрещается разговаривать на родном языке... Настал момент вырвать из воровских рук боярской Румынии нашу землю, вызволить из румынского плена наших братьев и граждан. Уворованная Бессарабия должна быть и будет возвращена в лоно своей матери – родины – Союзу Советских Социалистических Республик».

Военная подготовка к решению бессарабской проблемы сопровождалась соответствующей дипломатической деятельностью. Были поставлены в известность министр иностранных дел Румынии, германский посол в Москве, а так же министр иностранных дел Италии. 26 июня Молотов вручил послу Румынии в Москве Г. Давидеску ноту советского правительства, которая гласила, что «в 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию... Советский Союз никогда ни мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а сложившаяся международная обстановка требует быстрого разрешения нерешенных вопро-

сов советское правительство предложило Румынии: «1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте». В ноте была выражена надежда, что Румыния «примет настоящее предложение СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт».

Получив советскую ноту правительство Румынии объявило о мобилизации и обратилось за поддержкой к Германии, Италии и Балканским странам. Решающее значение имела позиция Германии. Министр иностранных дел Германии Риббентроп передал правительству Румынии письмо следующего содержания: «Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требования советского правительства». Аналогичные ответы правительство Румынии получило от Италии и Балканских государств. В данной ситуации у румынского правительства не было выбора и после попытки затянуть решение проблемы 27 июня было принято решение уступить требованиям СССР.

28 июня войска Южного фронта перешли границу и к 1 июля практически без потерь заняли территорию Бессарабии и Северной Буковины. В ходе операции были захвачены значительные трофеи, Советскому Союзу были возвращены утраченные в 1918 г. территории площадью 50762 кв.км с населением 3 млн 776 тыс. человек. 2 августа 1940 года Верховный совет СССР принял решение об образовании Молдавской ССР и о включении в состав Украинской ССР Северной Буковины и трех районов Бессарабии, расположенных на побережье Черного моря.

7. Накануне войны с Германией

Подписание пакта о ненападении, а также договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., согласно которому по территории бывшей Польши была установлена новая германо-советская граница, вовсе не означало слепой веры советского руководства в Гитлера и принципиальный отказ от борьбы с фашизмом. Согласно вновь открытым документам, советское военное планирование боевых действий против Германии началось в октябре 1939 г. и продолжалось до мая 1941 г. с целью нанесения внезапного удара в подходящий момент. В ходе разработки планов внезапного нападения на Германию в январе 1941 г. были проведены командно-штабные игры, в процессе которых было избрано направление главного удара Красной Армии - южная Польша, на остальных фронтах планировалась активная оборона. На направлении главного удара намечалось сосредоточить 152 дивизии против 100 немецких. Для этого выделялись соответствующие силы и средства.

Как следует из документов, большую часть мер по подготовке к боевым действиям войск приграничных округов намечалось завершить к 1 июля 1941 г. Планировалось закончить формирование всех развертываемых воинских частей, доукомплектовать их танками и артиллерией, замаскировать аэродромы и другую боевую технику, сосредоточить дивизии резерва и т.д. Одновременно завершалось сосредоточение и развертывание второго стратегического эшелона Красной Армии. Если принять во внимание весь комплекс предполагаемых мер, Красная Армия должна была закончить подготовку к наступлению не ранее 15 июля 1941 г.

Эти сравнительно новые данные о подготовке СССР к войне с Германией вполне коррелируют с уже давно известными. Осенью 1939 г. в СССР был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. В нем говорилось, что защита социалистического Отечества - почетная обязанность и священный долг каждого гражданина СССР. По закону призывной возраст был понижен с 21 года до 18 лет, в армии вводились новые воинские уставы.

За период с 1939 по июнь 1941 года в СССР было сформировано 125 новых дивизий, завершён переход от территориальных формирований к кадровой армии. Существенно увеличились расходы на оборону, они достигли астрономической цифры - 43,4 % от бюджета страны. Оборонная промышленность освоила производство вооружений нового поколения - самолетов ЯК*1, МИГ-3, ЛАГГ-3, танков Т-34, КВ, установок реактивной артиллерии БМ-13 ("катюш") и т.д. Весной 1941 г. Генеральным штабом совместно со штабами военных округов и флотов был разработан "План обороны государственной границы 1941 г.", который был утвержден Наркомом обороны и доведен до военных советов пограничных округов. В Наркомате обороны 23 февраля 1941 г. была принята директива, нацеливающая командование округов и флотов на Германию как на самого вероятного противника в будущей войне. В феврале 1941 г. Советское правительство утвердило план мобилизации Воздушных Сил. С начала мая 1941 г. происходило передвижение частей Красной Армии ближе к западным границам.

Советское политическое и военное руководство было в достаточной степени осведомлено о военных планах нацистов, в том числе и плане "Барбаросса". Информация поступала по многим каналам, в том числе: руководители стран - будущие союзники по антигитлеровской коалиции (У.Черчилль, Ф.Рузвельт, А.Иден и др.); дипломатические представители СССР, военные атташе, другие сотрудники разных ведомств, работавшие в западных странах (А. Боголюбов, И. Сулопаров, К. Уманский, Н. Горелкин и др.); агенты военной и политической разведок СССР (Р. Зорге, Ш. Радо, И. Штебе и др.); активисты антифашистского сопротивления (группа Шульце-Бойзена-Харнака, И. Зиг, В. Гуддорф, Р.Ресслер, К.Шнейдер и др.). В последние часы перед вторжением вермахта германские солдаты-противники войны с СССР - пересекли государственную границу и сообщили о начале войны утром 22 июня 1941 г. (А.Лисков, Г.Циппель, М.Эммендерфер, Ф.Гольд, В.Шульц и др.).

Под воздействием неопровержимой информации вечером 21 июня Сталин подписал директиву о приведении частей Красной Армии в боевую готовность. Директива гласила:

"1. В течение 22-23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск - не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 скрытно занять огневые точки укрепленных районов на госгранице;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировав.

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано.

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) никаких других мероприятий без особых распоряжений не проводить".

Директива о приведении в боевую готовность сухопутных и военно-воздушных сил западных приграничных военных округов Красной Армии была передана военным советам этих округов в половине первого часа ночи 22 июня. Однако многие непосредственные исполнители узнали о содержании этого документа уже после начала боевых действий. Немецкая разведка сделала все возможное - рвала связь, создавала радиопомехи для того, чтобы приказ не дошел до советских воинских частей.

Осторожный тон директивы свидетельствовал о том, что Сталин все еще верил в возможность оттянуть военное столкновение с Германией, Вся полученная информация о неизбежности войны представлялась ему дезинформацией английской разведки с целью втянуть СССР в конфликт с Германией. Механизм реализации высшей государственной власти в СССР в то время ис-

ключал возможность серьезного давления на Сталина со стороны других политических и военных руководителей с целью переубедить его и подготовить вооруженные силы к неизбежной войне. Сталин несет персональную ответственность за то, что в тактическом плане война началась неожиданно для Красной Армии, предопределив поражения и тяжелые потери.

Заключение

Рассматриваемая в данном учебном пособии тема является предметом острых дискуссий как в среде профессиональных историков, так и у людей творческих профессий, политиков, среди простых граждан различных государств, по разному представляющих историческое прошлое Европы. В советской историографии главной целью внешней политики СССР в 30-х годах декларировалась борьба за мир против фашистской угрозы, за предотвращение новой войны в Европе посредством создания системы коллективной безопасности, что создавало иллюзию заботы Сталина о сохранении суверенитета и территориальной целостности не только Советского Союза, но и других европейских государств. В действительности же судьба европейских стран беспокоила Сталина лишь постольку, поскольку она могла влиять на улучшение или ухудшение внешнеполитического положения СССР. Столь же несостоятельны попытки возложить на СССР ответственность за развязывание второй мировой войны и уж совсем фантастической представляется версия о том, что главной целью советской предвоенной внешней политики якобы была советизация Европы.

В данном учебном пособии предпринята попытка объективного освещения одной из самых сложных тем в курсе изучения новейшей отечественной истории с учетом достижений современной российской и зарубежной историографии и вновь открытых документальных материалов. Автор разделяет мнение об имперском характере сталинской внешней политики 30-х годов, в основе которой лежал государственный прагматизм и неверие в возможность осуществления мировой пролетарской революции с помощью Коминтерна. Пособие адресовано учащимся старших классов, студентам, учителям истории и всем интересующимся новейшей историей России.

При подготовке второго издания использован сборник документов Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940 годов. М., 1997, а так же следующая учебная и научная литература: История Балтийских стран. Учебник «Авента», 1999; Мельтюхов М.И. Упу-

щенный шанс Сталина. М., 2002; Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М, 2007; Новиков М.В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936-1939 гг. Ярославль, 2007; Норочницкая Н.А. Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М., 2009; Заец С.В. Советско-польские отношения по проблемам границ Польши в период Второй мировой войны (1939-1945): дис. ... канд.ист. наук. Ярославль, 2010.

Приложения

ТЕКСТ СОГЛАШЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЕННОГО В МЮНХЕНЕ

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ,
СОЕДИНЕННЫМ КОРОЛЕВСТВОМ, ФРАНЦИЕЙ
И ИТАЛИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ В МЮНХЕНЕ
29 сентября 1938 года

Германия, Соединенное королевство, Франция и Италия, согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области, договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1) Эвакуация начинается с 1 октября.

2) Соединенное королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3) Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4) Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 сентября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте, будут заняты германскими войсками в следующем порядке:

Зона, обозначенная цифрой I, - 1 и 2 октября, зона, обозначенная цифрой II, - 2 и 3 октября, зона, обозначенная цифрой III, - 3,4 и 5 октября, зона, обозначенная цифрой IV, - 6,7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомяну-

той международной комиссией, она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5) Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6) Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам - Германии, Соединенному королевству, Франции и Италии - незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7) Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8) Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

*ГИТЛЕР
ЭД.ДАШДЬЕ
МУССОЛИНИ
НЕВИЛЬ ЧЕМБЕРЛЕН*

Дополнение к соглашению

Правительство его величества в Соединенном королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6-м англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ Чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

СООБРАЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ СТОРОНЫ ПО ПЕРЕГОВОРАМ С ВОЕННЫМИ МИССИЯМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

4 августа 1939 г.

При переговорах с Англией и Францией могут возникнуть несколько ВАРИАНТОВ, когда возможно вооруженное выступление наших сил.

I вариант — это когда нападение агрессоров будет непосредственно направлено против ФРАНЦИИ и АНГЛИИ.

В этом случае Франция и Англия должны развернуть немедленно большую часть своих вооруженных сил на восточных границах Франции и Бельгии и с 16-го дня мобилизации начать решительные действия против главного из агрессоров.

Главным противником считается главный из агрессоров, против которого и должны быть направлены главные силы Франции и Англии.

Действия против второстепенного из агрессоров должны носить и второстепенный характер. Теория о разгроме сначала слабого противника — второстепенного агрессора — нами не разделяется. Разгром главного из агрессоров выведет из войны и второстепенного из агрессоров, и, наоборот, главный первоначальный удар по второстепенному агрессору может повести к решительному наступлению главного агрессора на Париж и к захвату Бельгии и Голландии, чем создается кризис на западном театре военных действий с первых же дней войны, давая превосходство главному агрессору.

Исходя из этого положения, Франция и Англия должны к 15-му дню мобилизации на восточных границах Франции и Бельгии развернуть и выставить на фронт против главного агрессора не менее:

80 пехотных дивизий,
14 000—14 500 средних и тяжелых орудий,
3500—4000 танков,
5000—5500 самолетов.

Оставив на линии «Мажино» от Бельфора до Меца из указанных сил до 10 пехотных дивизий, Франция, Англия и Бельгия должны

с 70 пехотными дивизиями,
13 000 средними и тяжелыми орудиями,
3500 танками,
5000 самолетами

повести решительное наступление к северу от Меца и из Бельгии против Рура и Кельнской промышленной области в общем направлении на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны ударить по важнейшим промышленным районам главного агрессора на западе, по базам его морского флота, по железным дорогам, автомагистралям, а также по столице и другим крупным административным пунктам главного агрессора.

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью: 1) закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов; 2) добиться от Балтийских стран согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами, портов Ганге, Пернова, Гапсала, Гайнаша и Либавы в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии; 3) перерыв подвоза по Балтике из Швеции руды и другого сырья; 4) блокада берегов главного агрессора в Северном море; 5) господство в Средиземном море и закрытие Суэцкого канала и Дарданелл; 6) крейсерские операции у берегов Норвегии, Финляндии, вне их территориальных вод, Мурманска и Архангельска против подводных лодок и крейсеров флота агрессора у этих берегов. При обязательном участии в войне Польши, в силу ее договора с Англией и Францией, силами не менее 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани для удара по Восточной Пруссии и Померании Польша должна взять на себя обязательства пропустить наши сухопутные вооруженные силы к северу от Минска через Виленский коридор и по возможности через Литву к границам Восточной Пруссии. Нужно добиться того, чтобы Литва оказала помощь блоку миролюбивых держав.

Наше содействие Франции и Англии может выразиться в совместном действии наших сухопутных, воздушных сил, Балтийского и Северного флотов против главного из агрессоров.

В этом случае нами против Восточной Пруссии, к северу от Минска, было бы направлено 70 % от выделенных Англией и Францией против главного из агрессоров пехотных сил, а также сверх того кавалерии, а именно:

56 пехотных дивизий,
6 кавалерийских дивизий,
8500—9000 средних и тяжелых орудий,
3300 танков,
3000 самолетов,
а всего 2 053 000 людей.

Наши воздушные силы предпринимают операции против Восточной Пруссии и сосредоточенных здесь воздушных и сухопутных сил главного агрессора, против его флота и баз в Балтике и действуют с нашими сухопутными частями.

Наш Северный военно-морской флот ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии вне их территориальных вод совместно с англо-французскими эскадрами. Что же касается нашего Балтийского флота, то он в случае благоприятного разрешения вопроса будет базироваться совместно с объединенным флотом Франции и Англии на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Пернове, Гапсале, Гайнаше и Либаве в целях охраны независимости Балтийских стран.

При этих условиях Балтийский флот может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и постановку мин у берегов Восточной Пруссии, Данцига и Померании. Подводные лодки Балтийского флота мешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

Командование всеми нашими вооруженными силами остается за нами, и координация военных действий с Англией и Францией достигается особым соглашением во время войны.

Наши силы действуют компактно и никаких частей в другие армии не выделяют.

II вариант возможного возникновения военных действий — это когда объектом нападения явится ПОЛЬША.

Если Франция и Англия также объявят войну агрессорам в силу договора их с Польшей и немедленно выступят против них, то СССР должен будет выступить против агрессоров в силу его договора с Англией и Францией.

Польша может быть атакована не одним только главным агрессором, но, по всей вероятности, и Венгрия примет участие в войне против Польши.

Надо полагать, что в этом случае Румыния вступит в войну на стороне Польши. Правда, помощь ее будет ограничена, так как сама Румыния будет скована Болгарией и Венгрией, но все же Румынию следовало бы обязать выставить на фронт не менее 20 пехотных дивизий, 3 кавалерийских дивизий, 2276 средних и тяжелых орудий, 240 танков, 440 самолетов.

Франция и Англия должны выступить известными своими вооруженными силами, как указано в I варианте, и наносить главный удар против главного из агрессоров.

Развитие операций вооруженных сил Франции и Англии должно проводиться, как указано в I варианте.

Наше участие в войне может быть только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности также с Литвой о пропуске наших войск к северу от Минска через Виленский коридор и о предоставлении нашему Балтийскому флоту совместного базирования с объединенным англо-французским флотом, как указано в I варианте.

В этом случае мы выделяем силы, как указано в I варианте, и направляем их против Восточной Пруссии.

Франция и Англия должны потребовать от Польши развертывания и выставления на фронт не менее 40 пехотных дивизий с соответствующей артиллерией против Восточной Пруссии и в Познани для удара по Восточной Пруссии и Померании. В то же время Польша обязана обеспечить маневр наших войск на территории северо-востока Польши предоставлением нам железных дорог и подвижного состава для подвоза боевого снабжения и продовольствия.

Одновременное вторжение агрессоров в южную часть Польши (Галиция) со стороны Словакии и Венгрии потребует от нас развертывания на границах с Польшей и Румынией дополнительных сил, но в общей совокупности с выделяемыми для дейст-

вий против Восточной Пруссии в равном числе с выставляемыми силами Англией и Францией против главного агрессора, т.е.

80 пехотных дивизий,
12 кавалерийских дивизий,
9500—10 000 средних и тяжелых орудий,
3500—4000 танков,
3000—3500 самолетов.

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий с Англией и Францией достигается особой договоренностью во время войны.

III *возможный вариант* развертывания военных действий — когда Венгрия, Болгария при помощи главного агрессора нападают на РУМЫНИЮ.

Если Англия и Франция объявят в этом случае войну агрессорам и выставят на фронт вместе против главного агрессора к 15-му дню мобилизации, как указано в I варианте,

80 пехотных дивизий,
14 000—14 500 средних и тяжелых орудий,
3500—4000 танков,
5000—5500 самолетов

и перейдут на 16-й день мобилизации в решительное наступление против главного агрессора как главного противника, то они могут обратиться к нам за военным сотрудничеством.

Наши предложения Франции и Англии в этом варианте должны сводиться: 1) в обязательном участии в войне ПОЛЬШИ; 2) в пропуске наших сил, как указано в I варианте, через Виленский коридор и Литву, а также совместном с англо-французами базировании нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) в обязательстве Польши развернуть и выставить на фронт 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и Померании и 4) в обязательстве Польши пропустить наши войска через Галицию к югу от Львова.

В этом случае нами также выставляется 70 % от направленных Францией, Англией пехотных сил против главного агрессора, не считая 12 кавалерийских дивизий, а именно:

56 пехотных дивизий,
12 кавалерийских дивизий,
8500—9000 средних и тяжелых орудий,

3300 танков,
3000 самолетов,
а всего 2 075 000 людей.

Причем к северу от Минска для действий против Восточной Пруссии направляется:

26 стрелковых дивизий,
6 кавалерийских дивизий,
4000 средних и тяжелых орудий,
1300 танков,
1500 самолетов,
а всего 926 000 людей.

Для действий к югу от Полесья, для непосредственной поддержки Румынии, причем Франция и Англия должны добиться пропуска наших войск через румынскую территорию и южную часть Галиции, будет направлено нами:

30 стрелковых дивизий,
6 кавалерийских дивизий,
5000 средних и тяжелых орудий,
2000 танков,
1500 самолетов,
а всего 1 149 000 людей.

Эти наши силы развертываются на границе СССР с Румынией и в южной части Галиции и действуют к югу от Карпат, получая самостоятельный участок фронта.

Командование нашими войсками остается за нами.

В этом варианте действия наших Северного и Балтийского флотов проводятся, как изложено это в I варианте, поэтому и задачи для объединенного англо-французского флота остаются те же, что указаны в I варианте.

В нападении на Румынию, возможно, примет участие Болгария, поэтому Франция и Англия должны принять на себя обязательство добиться участия в войне Турции и Греции.

Если эти оба государства примут участие в войне, то в таком случае наш Черноморский флот, заградив устье Дуная от проникновения по нему в Черное море подводных лодок агрессоров и блокируя Варну (болгарский военный порт), совместно с турецким флотом предпринимают крейсерские операции и операции подводными лодками в восточной части Средиземного моря. Од-

нако при всяких обстоятельствах Дарданеллы и Босфор должны быть прочно закрыты от проникновения в Мраморное и Черное моря надводных эскадр противников и их подводных лодок.

IV возможный вариант возникновения военных действий, когда агрессия будет направлена против ТУРЦИИ, причем, возможно, в этом случае к войне на стороне агрессоров примкнет Болгария.

Франция и Англия в силу договора с Турцией объявляют войну агрессорам.

Если Франция и Англия обратятся к нам за военным сотрудничеством, это сотрудничество может быть оказано при условии: 1) участия Польши в войне против главного агрессора и пропуска наших войск через Виленский коридор и по договоренности с Литвой через ее территорию для действий против Восточной Пруссии; 2) совместного с объединенным англо-французским флотом базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) участия Румынии в войне и пропуске наших войск через Румынию для действий на юге Румынии. В этом случае нами выставляются и развертываются силы так, как указано это в III варианте.

Задачи нашего Черноморского флота будут те же, что указаны в предыдущем варианте (III).

Действия армий Франции и Англии должны свестись к атаке главного агрессора как главного противника так, как изложено в I варианте.

В действия объединенного англо-французского флота должны быть внесены изменения против того, что изложено в I варианте — это нанесение решительного поражения объединенному флоту агрессоров в Средиземном море, в особенности в восточной его части.

V возможный вариант военных действий — это когда агрессия главного агрессора, используя территории Финляндии, Эстонии и Латвии, будет направлена против СССР.

В этом случае Франция и Англия, согласно договору, должны немедленно вступить в войну с агрессорами. Польша, связанная договором с Англией и Францией и имеющая нашу гарантию, должна выступить по варианту I.

Наше требование в отношении развертывания 40 польских пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани остается в полной силе. Если в первом варианте мы одни развертывали 70 % тех вооруженных сил, которые могли бы быть Англией и Францией направлены против главного из агрессоров при нападении на одну из этих держав, то в случае нападения на нас главного агрессора мы должны потребовать от Франции и Англии выставления и развертывания на 15-й день мобилизации против главного агрессора, считающегося нами главным противником, 70 % того, что мы одни выставляем и развертываем против главного агрессора по этому варианту.

Мы можем выставить 120 пехотных дивизий. Поэтому мы должны потребовать развертывания и выставления на фронт против главного агрессора Англией и Францией к северу от Бельфора и до Бельгии включительно

84 пехотные дивизии,
от 13 000 до 13 500 средних и тяжелых орудий, от 3000 до 3500 танков,
от 5000 до 5500 самолетов.

Эти силы с 16-го дня мобилизации должны повести решительное наступление против главного агрессора к северу от Меца и из Бельгии с общим направлением главного удара на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны нанести мощный удар по промышленным районам главного агрессора, по базам его военного флота, по железным дорогам, автострадам, а также по столице и крупным административным пунктам.

Действия англо-французского военно-морского флота должны происходить по варианту I.

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий достигается особым соглашением во время войны.

Трудно предполагать, чтобы главный агрессор бросил часть своих сил против нас через Румынию. Однако такой вариант не исключен, а поэтому в этом случае для оказания содействия Румынии Англией и Францией должны быть привлечены Польша, Турция и Греция, а часть наших войск обеспечена пропуском через Галицию и Румынию.

Действия нашего Черноморского флота должны быть увязаны с действиями турецкого флота, как изложено в IV варианте.

При нападении главного агрессора на нас мы должны требовать выставления указанных выше сил Францией, Англией и Бельгией, решительного их наступления с 16-го дня мобилизации против главного агрессора и самого активного участия в войне Польши, а равно беспрепятственного прохода наших войск через территорию Виленского коридора и Галицию с предоставлением им подвижного состава.

Вышеизложенное является предпосылкой для переговоров, в ходе которых будут выясняться позиции Франции и Англии в искреннем стремлении заключить договор.

Б. Шапошников

*АВПРФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 5, л. 22—32.
Опубл. в сб. Год кризиса... Т. 2. С. 168—174;
ДВП... Кн. I. С. 573—578.*

ИНСТРУКЦИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР К.Е. ВОРОШИЛОВУ, ГЛАВЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ПЕРЕГОВОРАХ С ВОЕННЫМИ МИССИЯМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

7 августа 1939 г. Секретно

1. Секретность переговоров с согласия сторон.
2. Прежде всего выложить свои полномочия о ведении переговоров с англо-французской военной делегацией о подписании военной конвенции, а потом спросить руководителей английской и французской делегаций, есть ли у них также полномочия от своих правительств на подписание военной конвенции с СССР.
3. Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР.
4. Если они ответят, что они направлены для переговоров и для подготовки дела подписания военной конвенции, то спросить их, есть ли у них какой-либо план обороны будущих союзников, т.е. Франции, Англии, СССР и т.д. против агрессии со стороны блока агрессоров в Европе.
5. Если у них не окажется конкретного плана обороны против агрессии в тех или иных вариантах, что маловероятно, то спросить их, на базе каких вопросов, какого плана обороны думают англичане и французы вести переговоры с военной делегацией СССР.
6. Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.
7. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные

территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал.

На просьбы о показе французской и английской делегациям оборонных заводов, институтов, воинских частей и военно-учебных заведений сказать, что после посещения летчиком Линдбергом СССР в 1938 г. советское правительство запретило показ оборонных предприятий и воинских частей иностранцам, за исключением наших союзников, когда они появятся.

*АВПРФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 5, л. 38.
Опубл. в сб.: ДВП... Кн. I. С. 584.*

В.МОЛОТОВ: "ВЗЯТЬ ПОД СВОЮ ЗАЩИТУ..."

Из выступления по радио 17 сентября 1939 г.

...Правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Советское правительство заявило также в этой ноте, что одновременно оно намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

В первых числах сентября, когда проводился частичный призыв запасных в Красную Армию на Украине, в Белоруссии и еще в четырех военных округах, положение в Польше было неясным, и этот призыв проводился как мера предосторожности. Никто не мог думать, что Польское государство обнаружит такое бессилие и такой быстрый развал, какой теперь уже имеет место во всей Польше. Поскольку, однако, этот развал налицо, а польские деятели полностью обанкротились и не способны изменить положение в Польше, наша Красная Армия, получив крупное пополнение по последнему призыву запасных, должна с честью выполнить поставленную перед нею почетную задачу...

Правительство обращается также к гражданам Советского Союза со следующим разъяснением. В связи с призывом запасных среди наших граждан наметилось стремление накопить побольше продовольствия и других товаров из опасения, что будет введена карточная система в области снабжения.. Правительство считает нужным заявить, что оно не намерено вводить карточной системы на продукты и промтовары, даже если вызванные внешними событиями государственные меры затянутся на некоторое время. Боюсь, что от чрезмерных закупок продовольствия и товаров пострадают лишь те, кто будет этим заниматься и накапливать ненужные запасы, подвергая их опасности порчи.

Наша страна обеспечена всем необходимым и может обойтись без карточной системы в снабжении.

Наша задача теперь, задача каждого рабочего и крестьянина, задача каждого служащего и интеллигента состоит в том, чтобы честно и самоотверженно трудиться на своем посту и тем оказать помощь Красной Армии.

Что касается бойцов нашей славной Красной Армии, то я не сомневаюсь, что они выполняют свой долг перед родиной с честью и со славой...

*Внешняя политика СССР.
Сб. док. Т. ГУ-М.-3946. - С. 447.*

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЕРМАНО-СОВЕТСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

В течение 27-28 сентября в Москве происходили переговоры между Председателем Совнаркома СССР и Наркоминделом тов. Молотовым и Министром Иностранных Дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией.

В переговорах принимали участие тов. Сталин и советский полпред в Германии тов. Шкварцев, а со стороны Германии - германский посол в СССР г. Шуленбург...

Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией

28 сентября 1939 г.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривает исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье I линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии - Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине. Договор вступает в силу с момента его подписания. Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов
За Правительство Германии
И. Риббентроп

Правда.- 1939.-- 29 сентября.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Копия

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся Уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1-м таким образом, что территория Литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту [не публикуется. - Ред.] к подписанному сегодня Договору о дружбе и границах между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов
За Правительство Германии
И. Риббентроп
28 сентября 1939 г.

*Печат. по сохранившейся машинописной копии.
АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 77. Л. 4.*

ДОГОВОР О ВЗАИМОПОМОЩИ И ДРУЖБЕ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ФИНЛЯНДСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

2 декабря 1939 г.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Правительство Финляндской Демократической Республики, с другой стороны...

признали необходимым заключить между собою нижеследующий Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой и назначили для этой цели своими уполномоченными:

Президиум Верховного Совета СССР:

В. М. Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР,

Народное Правительство Финляндии:

О. В. Куусинена, Председателя Народного Правительства и министра иностранных дел Финляндии, каковые уполномоченные, по взаимному предъявлению своих полномочий, найденных составленными в должной форме и надлежащем порядке, согласились о нижеследующем:

Статья I

В знак дружбы и глубокого доверия Советского Союза к Финляндской Демократической Республике, идя навстречу национальным чаяниям финского народа о воссоединении карельского народа с финским народом в едином и независимом Финляндском государстве, Советский Союз выражает согласие передать Финляндской Демократической Республике районы Северной Карелии с преобладающим карельским населением - всего в размере 70000 квадратных километров, с включением этой территории в состав государственной территории Финляндской Демократической Республики и установлением границы между СССР и Финляндской Демократической Республикой, согласно приложенной карте [карта не публикуется. – Ред.] В знак дружбы и глубокого доверия Финляндской Демократической Республики к СССР, идя навстречу пожеланиям Советского Союза об укреплении безопас-

ности СССР, и особенно города Ленинграда, Финляндская Демократическая Республика выражает согласие на некоторую передвижку границы на Карельском перешейке в северном направлении от Ленинграда, с передачей Советскому Союзу территории в размере 3970 квадратных километров, причем СССР считает себя обязанным возместить Финляндии стоимость железнодорожных участков на территории Карельского перешейка, переходящей к СССР, в размере 120 миллионов финских марок.

Статья II

Финляндская Демократическая Республика, во взаимных интересах укрепления безопасности СССР и Финляндии, выражает согласие:

а) сдать Советскому Союзу, в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него радиусом в пять миль к югу и востоку и три мили к западу и к северу от него и ряд островов, примыкающих к нему с юга и с востока, в соответствии с приложенной картой, - для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив в интересах обеспечения безопасности Финляндии и СССР, причем в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет ограниченное количество наземных и воздушных вооруженных сил, максимальная численность которых определяется особым соглашением;

б) продать Советскому Союзу в Финском заливе острова Суурсаари (Гогланд), Сейскари, Лавансаари, Тюттерсаари (Малый и Большой), Койвисто (Бьерке), а также принадлежащие Финляндии часть полуостровов Рыбачьего и Среднего на побережье Северного Ледовитого океана за условленную сумму в размере 300 миллионов финских марок.

Статья III

Советский Союз и Финляндская Демократическая Республика обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения на Финляндию, а также в случае нападения или угрозы нападения через территорию Финляндии на Советский Союз со стороны любой европейской державы.

Статья IV

Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья V

Договаривающиеся Стороны условились заключить в кратчайший срок торговый Договор и поднять годовой товарооборот между обеими странами значительно выше товарооборота 1927 года, когда он достигал максимальной цифры в 800 миллионов финских марок.

Статья VI

Советский Союз обязуется оказывать Финляндской Народной армии помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами.

Статья VII

Срок действия настоящего Договора в части, касающейся обязательств взаимной помощи между СССР и финляндской Демократической Республикой (ст. III - V), - двадцать пять лет, причем если за год до истечения указанного срока ни одна из Договаривающихся Сторон не будет считать необходимым денонсировать установленных на срок постановлений настоящего Договора, эти постановления автоматически сохраняют силу еще на следующие двадцать пять лет.

Статья VIII

Настоящий Договор вступает в силу со дня его подписания и подлежит последующей ратификации. Обмен ратификационными актами будет произведен в возможно более короткий срок в столице Финляндии - городе Хельсинки.

Настоящий Договор составлен в двух оригиналах, на русском и финском языках, в городе Москве 2 декабря 1939 года.

В.Молотов
О.Куусинен

Известия. - 1939. - 3 декабря.

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ

	СССР	Финляндия
1. Убито, умерло от ран и болезней	87 506	48 243
2. Пропало без вести	39 369	3273
3. Попало в плен	5000	1100

Примечание.

Данные о попавших в плен приводятся по книге: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939-1941. - М., - 1992.- С. 167, 168.

Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и боевых конфликтах. Статистическое исследование. - М. 1993.- С. 122.

МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

12 марта 1940 г.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Президент Финляндской Республики, с другой стороны, руководимые желанием прекратить возникшие между обеими странами военные действия и создать прочные взаимные мирные отношения, убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон соответствует определение точных условий обеспечения взаимной безопасности, в том числе обеспечения безопасности городов Ленинграда и Мурманска, а также Мурманской железной дороги, признали необходимым заключить в этих целях Мирный Договор и назначили своими уполномоченными:

Президиум Верховного Совета СССР:

Молотова Вячеслава Михайловича, Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и народного комиссара иностранных дел,

Жданова Андрея Александровича, члена Президиума Верховного Совета СССР,

Василевского Александра Михайловича, комбрига;

Президент Финляндской Республики:

Рюти Ристо, Председателя Совета Министров Финляндской Республики,

Паасикиви Юхо Куста, министра,

Вальден Карла Рудольфа, генерала,

Войонмаа Вейнэ, профессора.

Означенные уполномоченные по взаимному предъявлении своих полномочий, признанных составленными в надлежащей форме и в полном порядке, согласились о нижеследующем:

Статья I

Военные действия между СССР и Финляндией прекращаются немедленно в порядке, предусмотренном прилагаемым к настоящему Договору протоколом.

Статья II

Государственная граница между СССР и Финляндской Республикой устанавливается по новой линии, по которой в состав территории СССР включаются весь Карельский перешеек с г. Выборгом (Вигшури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сор-тавала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркяarvi с г. Куолаярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего - согласно приложенной к настоящему Договору карте.

Более подробное описание пограничной линии будет установлено смешанной комиссией из представителей Договаривающихся Сторон, каковая комиссия должна быть образована в десятидневный срок со дня подписания настоящего Договора.

Статья III

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья IV

Финляндская Республика выражает согласие сдать Советскому Союзу в аренду с ежегодной уплатой Советским Союзом 8 миллионов финских марок, сроком на 30 лет, полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него, радиусом в 5 миль к югу и востоку и в 3 мили к западу и северу от него, и ряд островов, примыкающих к нему, в соответствии с приложенной картой [карта не публикуется. - Ред.] - для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив, причем в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет необходимое количество наземных и воздушных вооруженных сил.

Финляндское правительство в течение десяти дней с момента вступления в силу настоящего Договора выводит с полуострова Ханко все свои войска, и полуостров Ханко вместе с прилегающими островами переходит в управление СССР, в соответствии с настоящей статьей Договора.

Статья V

СССР обязуется вывести свои войска из области Петсамо, добровольно уступленной Финляндией советским государством, согласно Мирному Договору 1920 года.

Финляндия обязуется, как это было предусмотрено Мирным Договором 1920 года, не содержать в водах своего побережья Северного Ледовитого океана военных и прочих вооруженных судов, за исключением вооруженных судов, тоннаж которых не должен превышать 400 тонн для каждого.

Финляндия обязуется, как это было предусмотрено тем же Договором, не содержать в означенных водах подводных лодок и вооруженных воздушных судов.

Равным образом Финляндия обязуется, как это было предусмотрено тем же Договором, не устраивать на этом побережье военных портов, баз для военного флота и военных ремонтных мастерских объемом больше, чем потребно для упомянутых судов и их вооружения.

Статья VI

Советскому Союзу и его гражданам, как это было предусмотрено Договором 1920 года, предоставляется право свободного транзита через область Петсамо в Норвегию и обратно, причем в области Петсамо Советскому Союзу предоставляется право учреждения консульства.

Грузы, провозимые из Норвегии в СССР через ту же область, освобождаются от осмотра и контроля, за исключением лишь контроля, необходимого в видах урегулирования транзитного сообщения, а также не облагаются таможенными пошлинами, транзитными и иными сборами.

Упомянутый выше контроль транзитных грузов допускается лишь в форме, соблюдаемой в таковых случаях по установившимся обычаям международного сообщения.

Граждане СССР, направляющиеся через область Петсамо в Норвегию и обратно из Норвегии в СССР, имеют право свободного транзитного проезда на основании выдаваемых надлежащими советскими органами паспортов.

При соблюдении действующих общих положений советские невооруженные летательные аппараты имеют право под-

держивать воздушное сообщение через область Петсамо между СССР и Норвегией.

Статья VII

Финляндское правительство предоставляет Советскому Союзу право транзита товаров между СССР и Швецией, и в целях развития этого транзита по кратчайшему железнодорожному пути СССР и Финляндия признают необходимым построить, каждая сторона на своей территории, по возможности в течение 1940 года железную дорогу, соединяющую г. Кандалакша с г. Кемиярви.

Статья VIII

По вступлении в силу настоящего Договора возобновляются экономические отношения между Договаривающимися Сторонами, с этой целью Договаривающиеся Стороны вступят в переговоры для заключения торгового договора.

Статья IX

Настоящий Мирный Договор вступает в силу немедленно по его подписании и подлежит последующей ратификации.

Обмен ратификационных актов будет произведен в течение десяти дней в г. Москве.

Настоящий Договор составлен в двух оригиналах на русском, финском и шведском языках каждый в г. Москве 12 марта 1940 года.

В. Молотов
А. Жданов
А. Василевский Ристо Рюти
Ю. Паасикиви
Р. Вальден
Вяйнэ Войонмаа

*Внешняя политика СССР.
Сб. док. Т. IV. - М. - 1946. - С. 494-496.*

**"ГЕРМАНСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ РАЗБИТЬ
СОВЕТСКУЮ РОССИЮ В ХОДЕ
КРАТКОВРЕМЕННОЙ КАМПАНИИ..."**

Из плана "Барбаросса "

18 декабря 1940 г.

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант "Барбаросса".)

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил - высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной, кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточиться против Англии. Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций. Приготовления, требующие более продолжительного времени, если еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 41г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений:

1. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга - Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

Гитлер

Совершенно секретно. - М. - 1967. - С. 149-153.

А. ГИТЛЕР: "ЭТА ВОЙНА БУДЕТ РЕЗКО ОТЛИЧАТЬСЯ ОТ ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ"

Выдержки из дневника Ф. Гальдера за 30 марта 1941 г.

11.00 - Большое совещание у фюрера. Почти 2,5 - часовая речь...

Наши задачи в отношении России - разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство.

Высказывание о русских танках (заслуживают уважения). 47-мм пушка, неплохие тяжелые танки, но в своей массе - устаревшие типы. По численности танков русские сильнее всех в мире, однако они имеют лишь небольшое количество новых гигантских танков с длинноствольной 105-мм пушкой (танки-колоссы весом в 42-45 тонн). Русская авиация велика по количеству, но многие ее самолеты устаревших типов, и лишь незначительное число - современные машины.

Проблема русской территории: бескрайние просторы делают необходимой концентрацию сил на решающих участках. Массированное использование авиации и танков на решающих направлениях. Авиация не сможет одновременно обработать этот гигантский район. В начале войны она должна установить господство лишь на отдельных участках этого колоссального фронта. Поэтому использовать ее нужно в тесной связи с операциями сухопутных, войск. Русские не выдержат массированного удара танков и авиации.

Никаких иллюзий по отношению к союзникам! Финны будут храбро сражаться, но их мало, и они еще не оправились от поражения (зимняя война 1939-1940 гг.). От румын вообще ничего нельзя ожидать... Вопрос об отходе русских войск: отвод мало вероятен, так как иначе теряется связь с Прибалтикой и Украиной. Если русские намереваются отойти, то они сделают это заблаговременно, иначе уже не смогут привести себя в порядок.

После разрешения задач на Востоке будет достаточно оставить там 50-60 дивизий (танки). Часть сухопутных войск можно будет расформировать для перевода личного состава в авиационную промышленность и на военно-морские верфи; другая часть потребуется для новых военных задач, например для Испании. Колониальные задачи!

Борьба двух идеологий: уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника. Будущая картина политической карты России: Северная Россия отойдет к Финляндии; протектораты в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии. Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции.

Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость - благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания...

*Гальдер Ф. Военный дневник.
- Т. 2. - М. - 1969. - С. 429-431.*

**...СООБРАЖЕНИЯ ПО ПЛАНУ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ
И ЕЕ СОЮЗНИКАМИ**

Народный комиссар обороны Союза ССР - И. В. Сталину

Май 1941 г.

Только лично.

Экземпляр единств.

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

I. В настоящее время, по данным разведывательного управления Красной Армии, Германия имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизии, а всего около 284 дивизий. Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.4.41 г, сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизии, а всего до 120 дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушных десантных дивизий, а всего до 180 дивизий...

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия - до 20 пехотных дивизий, Венгрия - 15 пд, Румыния до 25 пд.

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить (подч. в тексте.) нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить (подч. в тексте.) против-

ника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. Первой стратегической целью действий войск Красной Армии - поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест - Демблин и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступление из района Катовице в северном, или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача - разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на рр. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке. Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках Госграницы предусматривается активная оборона.

III. Исходя из указанного замысла стратегического развертывания, предусматривается следующая группировка Вооруженных Сил СССР:

1. Сухопутные силы Красной Армии в составе: 198 сд, 61 тд, 31 мд, 13 кд - всего 303 дивизии и 74 артполка РГК - распределить следующим образом:

а) главные силы в составе 258 дивизий и 53 арtpолка РГК иметь на Западе в составе резерва Главного командования за Юго-Западными и Западными фронтами:

б) остальные силы в составе 45 дивизий и 21 арtpолка РГК назначаются для обороны дальневосточных, южной и северной границ СССР.

2. Военно-воздушные силы Красной Армии в составе имеющихся и боеспособных на сегодняшний день 218 авиаполков распределить следующим образом:

а) главные силы, 165 авиаполков, развернуть на Западе;

б) остальные силы, 53 авиаполка, оставить на обороне дальневосточных, южной и северной границ и пункта ПВО. гор. Москвы.

Кроме указанных ВВС на сегодняшний день имеется в стадии формирования и совершенно еще не боеспособных 115 авиаполков, на полную готовность которых можно рассчитывать к 1.1.42 г.

VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания. Для того, чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытие Госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;

2. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мною отданы распоряжения и разработка планов обороны Госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.6.41.

Одновременно необходимо форсировать строительство и вооружение укрепленных районов, начать строительство укрепленных районов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепленных районов в 1942 г. на границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепленных районов по линии старой Госграницы...

...IX. Прошу:

1. утвердить представляемый план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР и план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией;

2. своевременно разрешить последовательное проведение скрытого от мобилизации и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного командования и авиации;

3. потребовать от НКПС полного и своевременного выполнения строительства железных дорог по плану 41-го года и особенно на Львовском направлении;

4. обязать промышленность выполнять план выпуска материальной части танков и самолетов, а также производства и подачи боеприпасов и горючего строго в назначенные сроки;

5. утвердить предложение о строительстве новых укрепленных районов.

Народный Комиссар Обороны СССР

Маршал Советского Союза

С. Тимошенко

Начальник Генерального Штаба К. А.
генерал армии Г. Жуков

Новая и новейшая история. - 1993. - № 3. - С. 40-44.

**"СЛУХИ О НАМЕРЕНИИ ГЕРМАНИИ ПОРВАТЬ ПАКТ
И ПРЕДПРИНЯТЬ НАПАДЕНИЕ НА СССР
ЛИШЕНЫ ВСЯКОЙ ПОЧВЫ"**

Сообщение ТАСС

14 июня 1941 г.

Еще до приезда английского посла в СССР г. Крипса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной прессе стали муссироваться слухи о "близости войны между СССР и Германией". По этим слухам:

1. Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними;

2. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границы СССР с целью нападения на СССР;

3. Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает свои войска у границы последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже сострепанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что:

1. Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место.

По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз; ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии

связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям.

3. СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен, соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными;

4. Проводимые сейчас летние сборы запасных частей Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по крайней мере, нелепо.

Правда. -1941.-14 июня.

"...В 1941 ГОДУ ГИТЛЕР НА НАС НЕ НАПАДЕТ..."

Из докладной записки Л. П. Берия И. В. Сталину

21 июня 1941 г.

...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это "нападение" начнется завтра.

То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией (подпольную организацию Шульце-Бойзена и Харнака. - **Ред.**)

Начальник Разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе...

Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!...

Аргументы и факты. - 1989. - № 4

«План Барбаросса» Секретная директива ставки Гитлера за № 21 от 18 декабря 1940 г.

(Извлечение)

"Германские вооруженные силы должны быть готовы победить Советскую Россию в результате быстрой кампании, даже до окончания войны против Англии ("План Барбаросса"). Армия должна использовать для этой цели все находящиеся в ее распоряжении силы, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от неожиданностей. Главная задача воздушных сил заключается в том, чтобы использовать в Восточной кампании такие большие силы для помощи наземным войскам, чтобы было обеспечено быстрое развитие наземных операций. Повреждения, наносимые вражеской авиацией восточно-немецкой территории, должны быть наименьшими. Эта концентрация войск на востоке может быть лимитирована только необходимостью достаточной защиты территорий для боевых операций и производства вооружений, находящихся под нашим контролем, от рейда врага. Атаки против Великобритании, и особенно ее линий снабжения, не должны совершенно прекратиться. Главные операции военно-морского флота должны оставаться ясно направленными против Англии, даже во время Восточной кампании.

Я прикажу начать наступление на Советскую Россию, если это необходимо, за 8 недель до соответствующей даты начала операций. Приготовления для операций, которые потребуют более длительной подготовки, если они уже не сделаны, должны начаться теперь же и быть завершены не позже, чем к 15 мая 1941 года. Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения наступления не были распознаны. Приготовления верховного командования должны быть сделаны на следующем базисе:

I. ОБЩИЕ НАМЕРЕНИЯ

Масса русской армии, собранная в Западной России, должна быть уничтожена смелыми операциями: танковые клинья должны быть вбиты глубоко вперед. Отступление боеспособных войск на широкие просторы русской территории должно быть

предотвращено. Быстрым преследованием должна быть достигнута линия, от которой русские воздушные силы не будут в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии. Конечной целью операций является создание защитительного барьера против азиатской России на линии река Волга - Архангельск. Таким образом, если необходимо, последний индустриальный район русских в Уральских горах может быть уничтожен воздушными силами. Балтийский флот в ходе этих операций быстро потеряет свои базы, становясь, таким образом, не способным продолжать борьбу. Эффективное выступление русских воздушных сил должно быть предотвращено мощными ударами в самом начале операций.

II. ВОЗМОЖНЫЕ СОЮЗНИКИ И ИХ ЗАДАЧИ

1) На флангах наших операций можно рассчитывать на активное участие в войне против Советской России - Румынии и Финляндии. В соответствующее время верховное командование вооруженных сил поведет переговоры и установит порядок, в котором вооруженные силы обеих стран будут подчинены германским приказам в соответствии с этими операциями.

2) Задачей Румынии в сотрудничестве с немецкими войсками будет сковать силы противника, стоящие против нее. Позже она должна оказать помощь в тыловых районах.

3) Финляндия должна прикрывать наступление немецкой группы "Север" (группа 19-я), идущей из Норвегии. Финляндия будет сотрудничать с этими войсками. Кроме того, Финляндия будет ответственна за уничтожение Ханко.

4) Можно рассчитывать на использование шведских железных и шоссейных дорог для наступления немецкой группы "Север", во всяком случае с начала боевых операций.

Содержание

Введение.....	
1. Приход Гитлера к власти и внешнеполитический курс СССР.....	
2. Советский Союз и гражданская война в Испании 1936-1939 гг.....	
3. Капитуляция в Мюнхене. Изоляция СССР.....	
4. Англо-франко-советские переговоры в Москве в мае-августе 1939 года.....	
5. Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года.....	
6. Реализация Советским Союзом статей секретного протокола.....	
6.1. Присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии.....	
6.2. Включение в состав СССР Литвы, Латвии и Эстонии.....	
6.3. Война с Финляндией.....	
6.4. Присоединение к СССР Бессарабии и Северной Буковины.....	
7. Накануне войны с Германией.....	
Заклучение.....	
Приложения.....	

Для заметок

Учебное издание

Михаил Васильевич Новиков
Внешняя политика СССР в Европе в 1933-1941 гг.

Учебное пособие

Редактор Л.К. Шереметьева
Компьютерная верстка – Ю.В. Машонина

Подписано в печать _____

Формат 60х90/16.

Объем 6,7 п.л., 4,6 уч.-изд. л. Тираж _____ экз. Заказ № _____

Издательство
ГОО ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44